

Галина ТАЛАНОВА

*И дерево
готовится ко сну...*

Стихотворения

Москва
Вест-Консалтинг
2019

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Т16

Таланова Г. Б.

Т16 И дерево готовится ко сну.../ *Стихотворения.* —
М.: Вест-Консалтинг, 2019. — 356 с., илл.

ISBN 978-5-91865-541-2

Это книга о быстротечности жизни... А жизнь — это любовь и влюблённость; глаза в глаза, когда чужие ресницы щекочут твоё лицо; взлёты под облака и падения на землю, пахнущую зелёной травой, что почему-то зовут сорной; это страсть и потери, от которых сердце ещё долго ноет на ночном сквозняке; это одиночество в толпе и парение над суетой; это приближение к старости, до поры до времени шаркающей за каждым из нас невидимой тенью, и предчувствие конца...

ГАЛИНА ТАЛАНОВА (Бочкова Галина Борисовна) — автор семи книг стихов и четырёх прозы. Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), Нижегородской области им. А. М. Горького (2016), Нижнего Новгорода (2018), золотой лауреат международного конкурса «Её Величество книга!» (Германия, 2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. О. Бешенковской (Германия, 2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), премии-ордена им. Кирилла и Мефодия (2016), конкурсов «Лучшие поэты и писатели России» (2013, 2016, 2017), «Современная российская литература» (2017), им. М. Цветаевой (2017), вошла в лонг-листер премии им. А. И. Бунина (2011, 2012, 2015, 2017), в шорт-лист международной премии им. Ф. Достоевского (2017).

© Таланова Галина Борисовна, 2019
© Кротова Светлана, иллюстрации, 2019
© Вест-Консалтинг, оформление, 2019

От автора

Что такое для меня поэзия? А разве это можно определить точно? Может быть, воскрешение действительности, которой не было, галлюцинации воспоминаний, когда и сам не знаешь, какой причудливый образ сложится из их разноцветных осколков, как в калейдоскопе? Погружение в глубину, будто в батискафе, когда в иллюминаторе колышутся смутные водоросли строчек, родившихся из минутной эмоции, да проплывают где-то почти на дне причудливые рыбы предчувствий, и не знаешь, когда вынырнешь на поверхность... А иногда — это след от реактивного самолёта, тающий в синеве, когда сам лайнер, истончившись в серебристую точку, давно улетел... След становится всё шире и шире, и всё прозрачней, заставляя сердце замирать от возможности головокружительной высоты полёта, с которой рано или поздно падать на грешную землю, и неслучайной догадки о том, что боль неизбежна. И это точно то, что помогает выживать и сохранить себя. А может, это то, что нам дано судьбой в руки, и мы не вправе это ни выронить, ни переложить в другие, если кого-то это заставляет поглядеть по сторонам и вслушаться в себя?

Галина Таланова

Рябины сладость — среди зимы...

* * *

Далёкий день.
Печальный выпускной...
Мой прадед, на руках поплывший к свету.
Но грустно было вряд ли мне одной,
Хоть и гуляли ночь всю до рассвета.
Жасмина запах пропитал откос. —
Клочками писем —
Лепестки парили.
Мы целовались робко, не врасос.
И о любви ещё не говорили.
Когда июнь, отчаявшись, потом
С трамплина прыгнет
В реку в снежном пухе,
Я на стекле морозном буду ртом
Оттаивать просвет с тобой в разлуке.
Потом вернётся острой болью то,
Что, как эмаль на зубе, ныло сладко. —
От первых кислых яблок рот свело.
А жизнь казалась горькой шоколадкой...
Ты ветки гнул,
Ломая их в букет.
Куст вырывался из твоих ладоней.
Нам было только по семнадцать лет.
И ночь рассвет баюкала в бутоне.

* * *

Майское непрочное тепло,
Будто шаль из шёлка, греет плечи.
Белым снегом пуха намело,
Но ещё, конечно же, не вечер.
Солнечные лучики ловлю,
Как котёнок, тычусь в ветер слепо.
Я тебя немножечко люблю,
Хоть надежда на очаг нелепа.
Паутинки тоненькая нить
Протянулась между клейких листьев.
Как ракушка, я учусь хранить
Рокот моря среди грустных мыслей.
Плещется волна из той весны,
Что накрыла разом с головою.
Туфли жмут и мне опять тесны.
И боюсь июльского я зноя.

* * *

Опять тепло.
И зелень в полный рост.
И майский цвет сбивает снова с толку.
И, как павлин, ты распушаешь хвост.
Разглядываю перья втихомолку.
Не восхищаюсь,
Хоть того ты ждёшь...
Но я смеюсь сквозь слёзы... отчего-то.
Знакомой хлопнув дверью,
Ты уйдёшь:
Тебя зовут теперь твои заботы.
Оставишь разноцветное перо
На дне колодца памяти пылиться.
...Колодец мох покроет,
Гниль — ведро,
Что отражало прежде наши лица.

* * *

Так нежно пьёт по капле ночь
Жасмин припухшими губами.
И держит, словно крепкий скотч,
Нас рядом нечто между нами...
Хоть не похожие ничуть,
Друг друга слышим как сквозь стенку.
И мечемся, как будто ртуть,
В сердцах разыгрывая сценку.
Так кружит голову жасмин.
Дурманный, властный, чуждый запах...
Дожили, милый, до седин.
Идём к концу, пока без страха.
И опадают все слова,
Как цвет весенний в сильный ветер.
А нить меж нами всё жива
И, как гнилушка, ночью светит.

* * *

Вечерний город: гуще тени,
На золотое небо тушь.
К реке оттаяли ступени.
Я отхожу от зимних стуж.
Опять весна,
Хоть ветер дует
И кулачком стучится в грудь,
Как будто к городу ревнует
И хочет всё перевернуть.
И примагнитчен взгляд мой светом,
Что поджигает шпильи крыш.
И веет быстротечным летом,
И в мыслях в нём уже паришь.
И в полнолунье ждёшь свиданья
С листвою — как углем по стене,
Дрожащей...
И одно желанье,
Что ты наклонишься ко мне.

* * *

Мой голос сдержан до предела,
И в горле плаваются слова.
Твой взгляд обжѐг немое тело —
И кругом, кругом голова...
Во рту от зноя пересохло,
А в глубину бурил родник.
И хоть в зеркальных был ты стѐклах,
Но луч один ко мне проник. —
Как спица тонкая кольнула,
До сердца дотянувшись вмиг. —
Сквозь звуки уличного гула
Не долетел из сердца крик.
...Как ключ хрустальный в тѐмной роще
Журчала чистая вода,
Себе торила путь на ощупь:
«Он твой последний, навсегда!»

* * *

Зачем тебе мой мир,
Где я росла,
Где все когда-то были молодые?
Тот мир — он от костра давно зола,
И люди из него уж неживые.
Ты их не знал.
Не помнил, не любил.
Качаются в том доме половицы.
Как скоро же, мой милый, ты забыл,
Как целовал ты ямку над ключицей.
Случайно зацепилась, как репей,
Но отодрал — и бросил на дорогу,
Где пух лежал со старых тополей. —
Я обрастала пухом понемногу.
Колючки придела в скромный мех
И стала вся воздушная, как вата.
Но у мужчин мне не грозил успех.
И плечи всё сутулила покато:
Готовилась к поклону я земле,
Что приютила тех,
Кого любила.
...Ты был ленив.
С морщинкой на челе.
И не искал себе, старея, тыла.

* * *

Вот и солнышко вышло из туч,
Будто окна промыли весною.
В душу глянул пробившийся луч.
Он сверкнул золотою блесною.
Не заметила: тонкий крючок
Зацепился за ниточку света. —
И запела душа, как сверчок,
Про короткое, райское лето.
Только юность, увы, не догнать. —
Просвистела, как будто бы пуля.
Буду после, грустя, вспоминать
Половодье в дождливом июле,
Где кусты прямо в речке росли
С побуревшей загнившей листвою,
Замерев, как в порту корабли,
Между сушей и тёмной водою.
И листва, описав пируэт,
Поплыла, как рыбёшки больные.
Сколько сгнуло суетных лет!
След размыли дожди проливные.
Выжить всё же старались кусты:
Ветки с тиной налипшей сплетались.
Под водой оказались мосты,
Но от ветра волнами качались:
Уходили под воду —
И вновь
Оголяли подгнившие брёвна.
...На обрыве стояла любовь
И платочек в руках мяла скромно.

* * *

Снова лето...
И блажь перемен.
Майский цвет осыпается снегом.
Платье с рюшами выше колен.
И душа снова бредит ковчегом.
Снова в поисках новой любви,
Что всей жизнью окажется после.
Брезжат в море вдали корабли,
Только видишь лишь лодку, что возле...
Перевернута кверху вверх дном,
И дырища зияет сквозь днище.
Я нашла её ночью с трудом
Там, где ветер безудержно свищет.
Я нашла —
И не знаю как быть.
И дыру залатать не умею,
Чтобы на воду лодку спустить.
А заплыва всё жажду сильнее.

* * *

Травинку трогаю губами
И лист в ворсинках весь резной.
Река опять стучит зубами
О берег мелкою волной.
Как будто губ моих коснулся
И нежность выдохнул в меня,
Когда из снов цветных вернулся,
Себя за холодность виня.
И я ответила касаньем
Метёлки, той, что лисий хвост.
И это робкое свиданье
Меж нами выстроило мост.
Но снова ты со мной не рядом.
Как клочья писем — облака.
Я провожаю лёт их взглядом,
И тает радуги дуга.

* * *

...Такая липкая жара...
Бездумные деньки.
И ощущаю, что стара
Порхать как мотыльки.
...Сплошь в дымовой завесе день —
Лесных пожаров чад.
Тебе, конечно, снова лень
Ко мне тащиться в сад,
Где ветви гнутся до земли
От тяжести плодов,
Где луговые ковыли
Не косят семь годов,
Где искустель-змей не жил,
А ползал серый уж.
И ты, зевнув, всерьёз решил,
Что будешь скверный муж.

* * *

В райском лете одной
Куковать среди трав,
Где алеет, как кровь, земляника.
Здесь другие живут в мире, полном забав:
По реке скутера гонят дико.
Водомётом вода,
Шлейф из брызг за спиной.
Средь кувшинок замру, как плотвичка.
И о берег вода бьётся мутной волной.
Мы с тобой — как сгоревшие спички:
Отклонились головками прочь
Друг от друга, спалённые чувством.
Ясный день — будто белая ночь.
Жизнь течёт зацветающим руслом.

* * *

Сижу опять у речки в тишине.
Не разорвать законченного круга.
Ни облачка не видно в вышине.
Шалфей и мята на опушке луга.
Усталый ветер листьями шуршит.
Берёзы разрослись, как будто травы.
Тебя зову,
Но ты не лыком шит.
И не найти друг к другу переправы.
Мостки снесло проворною шугой*,
А брода нет,
И вся рассохлась лодка.
И кожу сушит очумевший зной.
На весь июль погоды дивной сводка.
И спит в затоне старый пароход,
Он в снах цветных плеск волн не вспоминает.
...Связать б из брёвен неказистый плот,
Из тех, что припасли под дом как сваи,
И сплавиться на берег тот, другой,
Где ты стоишь и машешь веткой ивы,
И думаешь о том, что сам не свой
И никогда не будешь уж счастливым.

* Шуга — мелкий рыхлый лёд, появляющийся перед ледоставом или во время весеннего ледохода.

* * *

Рвануться в море не решишься,
Где ветер треплет паруса:
Вдруг вида гавани лишишься
И детской веры в чудеса?
Ржавеет яхта на приколе.
Спит парус — будто скручен толь*.
И не выходишь ты из роли,
Где ждёт принцессу всё король. —
Не гол.
Звонят мониста песен,
Не о любимой —
О стране.
А мир любимой слишком тесен.
Она, как в лодке на волне,
Летит по жизни на качелях —
То к солнцу вверх,
То к днищу ниц:
Ей кажется, что близко берег,
Где место гнёзд у певчих птиц.

* *Толь* — (франц. *toile*) — кровельный и гидроизоляционный материал, получаемый пропиткой кровельного картона каменноугольными или сланцевыми дёгтевыми продуктами. Выпускается в рулонах.

* * *

Надувается мыльный пузырь
Не соломинкой тонкой растенья.
Шар растёт странной формы лишь вширь,
Детворе прибавляя веселья.
Так и мы, словно дети, с тобой...
Выдуваем иллюзии вечно.
Перламутровой жизни настрой
Ветер гонит куда-то беспечно.
Как же медленно шарик летит,
Отражая деревья и лица,
Придавая им радужный вид,
Что недолго, должно быть, продлится.
Лопнет плёнка —
И пены плевков...
Нет иллюзий — и смысл пропадает.
И уходит то время водою в песок,
Где по радуге сердце шагает.

* * *

Вода, как шёлк, струится по рукам.
Прохладна и чиста, с душой младенца.
И ходит грусть за мною по пятам,
Ладонками сжимает властно сердце,
Что, как птенец в траве сырой, дрожит —
Не оперился, но случайно выпал.
И где-то плачет музыка навзрыд.
И, как горох, со звоном дождь посыпал —
А на воде расходятся круги
И разбивают ивы отраженье.
А мы с тобой всё также далеки
От ясного и верного решенья.

* * *

Крутим жизни своей колесо.
В колесе мы две глупые белки.
Всё бежим, не играем в горелки.
Только ветер целует лицо.
Не хотим обороты снижать,
Колесо не застынет на месте.
Всё бежим — сумасшедшие! — вместе,
И не можем никак добежать.

* * *

А тополь вырос на обрыве.
Стоял и гнулся на краю
Навстречу тонкой гибкой иве,
Хоть не была та жизнь в раю.
Зачем так рос,
Корнями в воздух?
Чтоб рухнуть кроною в поток?
Любовь, случившаяся поздно,
Когда её пропущен срок,
Пришла — и корни тянет в воду.
Высокий берег с ивой крут.
И не найти в стремнине брода,
К которой ивы гнётся прут.

* * *

Поговори со мной, мой золотой,
Не проверяя взглядом поступь стрелок.
Я так устала быть сама с собой
И вышла я из возраста горелок.
Зачем бежать?
Я сразу повернусь
И посмотрю испуганно и жалко.
И после, словно в детстве, разревусь,
Когда отняли взрослые скакалку.
А я летела прямо в небеса
И замирала в предвкушение счастья,
Не замечая, что пришла гроза,
Что втянет в ливень грубо за запястья —
И я до нитки вымокну в момент,
Пока бегу, разбрызгивая лужи,
Под старенький палаточный брезент,
На островок сплетённых рук и суши.
Поговори со мной,
Слезу смахни,
Вспорхнувшими, как бабочка, губами,
Что полетела прямо на огни,
Затрепетав бескровными крылами.

* * *

Мой золотой,
Ну снова обмани,
Зови любимой и целуй беспечно.
Как бабочка, лечу я на огни,
Как водопад, ведь время быстротечно.
Как бабочка, лечу я на тепло
И трепещу озябшими крылами,
Ведь небеса опять заволокло
Набухшими слезами облаками.
Зови своей, хорошей, дорогой,
Сжигай запястья жаркими губами.
Я, как песок, твой впитываю зной,
Чтоб обжигать,
Когда пройдёшь ногами
Босыми,
Встав на цыпочки, к реке
И уплывёшь туда, где рябь кругами,
И все следы твои на ветерке
Рассыплются песчинками-стихами.

* * *

Строим замок опять на песке,
Словно дети,
Играя на плёсе.
Горсть песка у тебя в кулаке.
Жаль, что сердце уже на износе.
Не закрыли глаза на недуг
И не верим мы в долгое счастье.
Но в глазах затаился испуг,
Что окончится всё в одночасье.
Знаем всё про дожди и ветра,
Что разрушат песочные замки,
Что шутя проберут до нутра,
Но оставят несносные лямки,
Чтоб постылое бремя тянуть
Вместе — к солнцу, чьё время — на завязь.
...И волна плёсу только по грудь,
И смеёмся, песочком бросаясь.

* * *

Ты помнишь ли дорогу,
Что к стогу привела,
Хотя ты шёл от стога
К дороге, что звала?

...К тому же стогу вышел
В смятение поздних чувств.
Иль походя услышал
Ты снега свежий хруст?

И замер от испуга,
Что путь,
Как старый уж,
В кольцо свернулся туго
В преддверье ранних стуж.

* * *

В колодец чёрный загляну,
В него звезду ночь кинет.
Её ладонью зачерпну —
Растает, словно иней.
В воде сияет, как в глазах,
Расширенных от чуда,
Тот свет,
Возникший в небесах,
Пришедший ниоткуда.
К звезде я губы приложу—
Как будто глаз целую.
Но никого не разбужу
Я в эту ночь густую.
И скулы холод так сведёт,
Что от воды отпряну.
В твоих глазах увижу лёд —
А не в цветах поляну.

* * *

Вот и посыпались яблоки
В стареньком нашем саду.
Листья, как будто кораблики,
Плавают в тёмном пруду.
Яблоки нынче неспелые,
Кислые, точно лимон.
Плечи мои загорелые
Ветер ласкает, как ОН.
Яблоки нынче червивые
И загнивают бочки.
Годы мои сиротливые
Вновь рассмотрю сквозь очки.
Яблоки кушайте сочные,
Если любовь чуть жива,
В крышу стучат неурочные.
Ухает где-то сова...
Бьются о крышу железную.
Завтра рой ос налетит.
Плодом, конечно, побрезгую:
У муравьёв аппетит.
И не сорву ведь зелёные,
Что дотянулись до рук.
Хоть скособочена клёнами
Яблоня, всё же — не сук...

Хоть и кривая,
Но тянется
К солнышку, что на закат...
Клонится к долу, как пьяница.
Яблочки сыплет, как град:
Мелкие, в пятнышках, жёсткие...
Поздняя наша любовь...
Яблоки хоть и неброские,
Вкус к жизни чувствуешь вновь.

* * *

Сочинили под осень любовь.
Бабье лето в коротеньком платье.
И парю, словно бабочка, вновь.
И лечу, обмирая, в объятья,
Как на свет, что давно не дневной.
Светит люстра оранжевым светом.
Абажурчик тряпичный, чудной —
Кисти тихо колыхнутся ветром.
За окном разливается ночь.
И дрожат тени мелко на стенах:
Ковыли и осока точь-в-точь.
Привыкаю к тебе постепенно.
Абажур этот крыльев не жжёт,
Согревает, как печка под утро.
И уснуть этот свет не даёт,
Оставляя пыльцу перламутра.

* * *

Опять средь зарослей травы
Смотрю на жёлтые кувшинки:
К воде не клонят головы,
Растут, как будто на пружинке,
Всегда в воде и над водой,
Упрямо тянут шеи к солнцу.
...Год пролетел,
Как я с тобой,
Мой лучик света сквозь оконце...
Средь туч, нависших, как ватин,
Тяжёлый, мокрый, в грязных пятнах,
Как клочья спутанных седин,
Лоскут мой ясный и понятный!
...Но я плыву куда-то вдаль,
Туда, где церковь под горою...
И в волны кутаюсь, как в шаль,
И берегусь от взгляда-зноя.

* * *

И август тоже пролетит...
Как лето канет — не заметишь.
И от дождей чуть-чуть знобит.
И ты меня согреть не едешь.
Опять одна грущу в саду.
И напитаюсь влагой травы.
К тебе дорожки не найду:
Ни брода нет, ни переправы.
А я могла бы даже вплавь...
Глядеть б на мир твой под водою...
И, как ты, милый, ни лукавь,
На глади небо голубое
И отражение облаков,
Что по теченью ветер гонит,
А в глубине полно мальков.
Опавший лист в воде не тонет.
Плывёт со мною в никуда.
Я поверну обратно к дому,
А он — куда несёт вода,
Туда, где местность не знакома.
И ты, как будто палый лист,
Руки моей коснёшься нежно.
И уплывёшь куда-то вниз.
Я знаю, это неизбежно.

* * *

Водою чистой поманил
Там, где теченьем в омут сносит,
Где выплыть не хватает сил,
Ведь за порогом дышит осень.
Там жёлтый сыпется песок,
Скользит меж пальцев, как минуты.
И от любви на волосок
Вдруг испугаюсь в сердце смуты.
Я вспомню детство.
Живы все.
Заглох мотор,
В косу уткнувшись.
И в этой светлой полосе
Иду по дну, не окунувшись.
Всю речку вброд.
И снова мель...
И вёсла шкрябают по илу.
Всё унеслось,
Как смысл всё сель.
Остались во поле могилы.

* * *

Здесь скоро будет мёрзлая трава
Ломаться под тяжёлыми шагами.
И в иней принарядится ботва,
Что вырывала голыми руками,
Как будто из своей души тебя:
Из корешков обрывки оставались
И их питала тёплая земля...—
И птицей ввысь...
Всем овощам на зависть.

* * *

Было лето нещадно щедрó.
Пах асфальтом и плавился город.
От добра вновь искал он добро,
Был душою по-прежнему молод.
Как капустаница,
Белый волан
Над землёю порхал от ракеток.
Груз страстей запирался в чулан.
Шевелились листочки средь веток —
То вот этот, а то вот — другой...
Шевеление это страшило:
Куст как будто был весь неживой,
Шевельнуть веткой не было силы.
Шевеленье безвольным листком,
Задышавшим вдруг жизнью отдельной,
Словно ветер подкрался ползком,
Разрушая мир полный и цельный.
И хотелось летать как волан,
Отражаясь от сетки упрямо,
И не помнить, что лет караван
Всё идёт по пескам окаянным.
Он смотрел на парящий волан,
Отбивая ракеткой подачу,
А в душе назревал ураган,
Что сметёт жизнь любимой в придачу.

* * *

Зачем всё помню о тебе?
Зачем живёшь в душе поныне?
Ведь места нет в моей судьбе,
И проще быть без половины.
Но я скучаю и грущу.
Звоню опять: услышать голос.
Следы твои в саду ищу,
Но молодая лезет поросль.
Другое всё.
И днём с огнём
Не отыскать того, что было.
Но отражает окоём
Свет лампы в комнате постылой.
И выхожу я в тихий сад,
И свет ищу — тот, что в окошке,
Который год уже подряд,
Но сумрак —
Даже на дорожке.

* * *

Испугался призрачного эха,
Что вернуло б в юность
Хоть на час.
И пожалуй, было б не до смеха,
Окажись случайно ты сейчас
Там, где, напрочь выжжена морозом,
Яблоня чернела, как скелет;
Саженцы лежали под наркозом —
До весны прикопаны средь бед.
Там вдыхал опавших листьев запахах
И подгнившей под дождём травы.
Там качался кот в сосновых лапах,
Нагнетая хвойные пары,
И боялся спрыгнуть с тонкой ветки,
И мяукал жалобно сквозь дождь.
Там дымок из печки у соседки
Шёл в трубу, тебя бросая в дрожь.
Оставаться попросту нелепо.
Дверь забита сломанной доской.
Только неприкаянное небо
Всё смотрело преданно, с тоской,
Как глаза, пожалуй что, любимой,
Серые, как стая облаков.
...Жизнь прошла любви заветной мимо
В море звона, ссор и пустяков...

* * *

Какая-то горькая мякоть
У ягод, созревших на вид.
Не стоит о пройденном плакать:
Забудется всё, отболит.
Все ягоды, словно рябина,
Горчат.
(Хоть б ударил мороз!)
От лета сухого кручина...
Нет соков,
Чтоб двинуться в рост.
Нет соков —
Не будет и силы.
Как выстрел, сломалась ветла.
Лениво сад вычистят пилы,
Чтоб сжечь всё под зиму дотла.
Что возраст?
Ведь горечь рябины
До первого только снежка.
И гнут несогбенные спины
Для милого сердцу дружка.

* * *

И Яблочный без яблок нынче Спас.
А колокольный звон стоял над речкой.
Тепла последний тратился запас.
И лето остывало, словно печка.
И утки забивались в камыши,
И пахло тиной, рыбой, шашлыками.
И плавали стремительно ужи.
И тину разгребала я руками.
Потом плыла под колокольный звон.
И ослепляло солнце напоследок.
И золотистый добавляло тон
В зелёный шелест тонких гибких веток,
Что вынырнули к осени из тьмы, —
Из той воды, большой, как в половодье.
Вода сошла у краешка зимы,
Когда мороз, кряхтя, возьмёт поводья. —
И встанет лёд... —
Он мог накрыть кусты
С поникшею зелёной головою.
Но показались из воды мосты.
И небо, как цикорий, голубое...
Конец у лета,
А зенит жары...
Лишь яблок нет...
Не пахнет кислым соком.

Любовь пришла —
И в жизнь впустила свет,
Но что-то перепутала со сроком. —
Как самолёт блеснёт средь облаков
И улетит, оставив шлейф, как вьюга,
Что тает первым снегом на Покров.
...Без яблок проживём
И друг без друга.

* * *

Уже сентябрь...
И ночи, словно лёд,
Подтаявший от мартовского солнца.
Но днём всё так же солнышко печёт —
Последнее в тепло души оконце...
Нагрязнут скоро снова холода.
И возвратишься в будни с юга птицей.
Кругами на воде бегут года,
И дни мелькают, как в колёсах спицы.
Куда ведёт дорога та в пыли,
Что под уклон уходит год от года?
Полынный запах от сырой земли
С туманом доползёт до небосвода.
Когда-нибудь и я с туманом поднимусь
Над этим пляжем, где поплыли утки.
И медленно растёт о жизни грусть,
Что не найти для друга нам минутки.

* * *

И снова любовь обошла стороною,
Хотя собиралась, как будто гроза.
Вдали гроыхало —
И дождь был стеною,
Сверкали там молнии, будто глаза.
Казалось:
Вот-вот — и стихия накроет.
Гремело с горы,
Чернота за рекой.
И поздно бежать —
Только в омут и стоит
Нырнуть,
Но не так,
Чтоб совсем с головой.
Пусть снизу вода
Иверху льёт отвесно.
Ты где-то, блаженствуя,
Тихо плывёшь.
Закончится дождик, когда — неизвестно,
Но знаешь,
Что выйдешь ты — в ветер и дрожь.

* * *

И неминуемо прощанье.
Вокзала мутные огни.
Я не поверю в обещанье,
Что возвратятся эти дни.—
Отчалят, словно скорый поезд,
Вспоров, как рыбе брюхо, ночь.
И я, конечно, успокоюсь,
Хоть годы катят, катят прочь.
Тебя почти что позабуду...
Лишь только будет иногда,
Как сквозь оконную остуду,
Всплывать лицо,
Как глыба льда,
Что половодьем оторвало,
Прибило к берегу на миг —
И снова ветром отогнало,
Оставив в сердце зыбкий блик.

* * *

Солнцем залит заброшенный сад. —
Зарастает всё раны быстрее.
Пробираюсь в траве наугад
И руками махаю, как фея.
Из-под правой руки — махаон,
Из-под левой взовьётся белянка.
Жизнь, как тропка, бежит под уклон
И играет лучами, как склянка.
А расколется —
Лучики вновь
Заиграют на памятных гранях.
Полыхнёт, словно хворост, любовь,
Что уже никогда не обманет.

* * *

Опять у моря
Наши холода.
И дождик обложной,
Хоть ветер с юга.
От лета не осталось ни следа:
Как не было в духмяных травах луга.
Ты где-то далеко —
И сам с собой.
И даже обо мне не вспоминаешь.
Рокошет растревоженный прибой.
И в горле ком,
Как камушек катаешь.
Как будто волны катят голыши,
Обтачивая рёбра их и грани.
На пляже ни одной живой души.
И затопило в лодке старой слани,
Что приковали цепью на молу.
И я грущу опять,
Что годы — пена,
Что дождь смывает от костра золу...
А думалось, любовь, она нетленна...

* * *

На пляже разморённые тела.
И тянет мутным запахом кальяна.
Забываю на неделю про дела
И как смотрел ты взглядом оловянным.
Шумит прибой на злобном языке,
Плюётся пеной
С ниточками тины.
Ты от меня сегодня вдалеке,
А жизнь прошла уж больше половины.
Оглянешься назад — там гладь и тишь.
Увижу близких,
Что ушли сквозь дымку.
А ты всё также в облаках паришь,
Что копят влагу,
Чтоб излить дождевики.
А ветер с моря раскачал его
И катит волны,
Словно оголтелый.
Я не достигла, милый мой, всего,
Что в юности наивной так хотела.
Я не достигла...
Обошла любовь.
И семя в почву жёсткую упало.
Укусы всё расчёсываю в кровь,
Не думая, что время жить настало.

* * *

Вернулась в юность и в любовь,
Где солнце как дружка ладони,
Где сердце разгоняет кровь
И, в нежности купаясь, тонет,
Где всё сначала,
В первый раз.
Паря на алом парашюте,
Что как цветок раскрылся в нас,
Хоть жизнь уходит по минуте
И отцветает всё ж быстрее,
Чем набухал бутон под осень.
Ты льёшь на рану мне елей,
А парашют уже уносит
Туда, где волны у скалы
Друг друга тщетно догоняют,
Туда, где острые углы,
Где слёзы гребни волн роняют.

* * *

Над морем снова облака.
И яхты спят в порту на рейде.
И жизнь здесь призрачна, легка:
Глотками ветер южный пейте!
Ракушек россыпь на песке.
Их снова выбросило море.
Любовь висит на волоске,
Хотя с тобою мы не в ссоре.
Такой непрочный волосок,
Почти для глаза незаметен.
И не хранит следы песок,
Когда вмешался в дело ветер.

* * *

Тишина. И праздник за окном.
Ни звонков,
Ни стука в дверь с подарком.
И опять всё помню я о том,
Что свече сгореть и стать огарком.
Прогорит без дыма, без следа,
Освещающая ночь всю в снежной пыли.
Будто мы — под током провода,
Параллельны, в ином застыли.
Руки нам опять не протянуть,
Осыпая искрами сугробы.
Мишура на ёлке словно ртуть —
Серебрится шарик высшей пробы.

* * *

По пути-то было пять минут.
Ничего о доме не сказали.
Потемнело небо, как лоскут,
И набухло снегом, как слезами.
Пять минут.
А под ногами лёд —
И иду, как будто по канату.
И готовлю в мыслях бинт и йод,
Сердцем женским чувствуя утрату.
Как лунатик, я бреду на свет.
Не будите: я дойду до края.
Пустяки,
Что столько сплыло лет
С кипенного, в белом цвете, мая...
И приму вдруг снег за лепестки,
Что летят, оставив завязь плóда.
Пять минут — и мы уже близки.
И другое стало время года.

* * *

Как огонь бенгальский,
Интерес
Вспыхнул, освещая тёмный вечер.
Каждый жест и взгляд имели вес.
И дрожали фонари как свечи...
Снег парил и таял на губах,
Розовый с сиреневым отливом.
И сжимал в ладонях сердце страх,
Что не долго быть смогу счастливой.
Под ногами был раскатан лёд.
Оттолкнувшись, я неслась как птица.
А слова твои — как будто мёд.
И упала капля на ключицы,
Как нектар, впитавшая в себя
Запах расцветавшего бутона.
Бусины, как чётки, беребя,
Голос ты убавил на полтона.
И тянули в омут свой зрачки,
В них огни слезились, отражаясь...
А сердца, как будто каблучки,
Всё стучали громче, приближаясь...

* * *

Как странно, что снова судьба
Придумала встречу под вечер,
Когда фейерверка пальба
Изысканней делает речи.
И надо всего ничего.
Сплошь тени цветные на лицах.
И хочется сразу всего,
Но вновь ничего не случится.
И колокол праздно гудит.
И свечи плывут вереницей.
От холода сильно знобит.
Под куполом неба — зарницы
Гуляют средь звёзд и тоски,
Иллюзию чуда рождая.
И розовой краски мазки
Румянят лицо, освежают.
Замёрзшие щёки горят.
Восторгом душа задохнулась,
И стразами блещет наряд,
И сказка из детства вернулась,
Где чудище
Алый цветок
Мне тянет в холодных ладонях.
И жарко горит лепесток.
И сердце — в любви словно тонет.

* * *

Снова сердце ёкнуло беспечно,
Снова чуда жду, как в двадцать лет.
Только жизнь, как праздник, быстротечна,
Как петарды тает в небе след.
Так не стой в раздумье на пороге,
Закружи, как вихрь свистящих вьюг.
Замети назад пути-дороги,
Зацелуй в моих глазах испуг,
Что лечу куда-то, обмирая,
Будто в детстве с горки ледяной,
И боюсь уже не столько края,
А того, что снова быть одной.

* * *

Остатки снега были на траве,
Давно пожухлой, под завалом листьев.
Природа не готовилась к зиме.
Качали птицы на рябине кисти. —
И ягоды слетали на траву,
Как божие коровки на зимовку.
И дятел всё долбил, долбил кору,
Выстукивал, как врач — сердечко, ловко.
И почки набухали —
И глаза
Краснели от пыльцы, что на серёжках...
Огни дробила чистая слеза...
По-мартовски орала где-то кошка...
Был Новый год...
А значит, всё ж, зима
Должна прийти,
Хотя забыла сроки...
И из-за туч, вдруг выглянув, луна
Лила свой свет...
И пели водостоки...
Все ждали чуда...
Был же Новый год!
И огоньки, как светлячки, мигали. —
И я ослепла,
Как трудяга-крот,
Увидев неизведанные дали.

Рассудка воду свет огней мутил.
И брызги звёзд лелеял чёрный омут. —
И я нырнула в омут тот без сил
За звёздами дрожащими, что тонут.
Твои зрачки тянули в глубину. —
И поняла,
Что, видимо, пропала,
Коль за наживку приняла блесну.
...Твои ресницы, будто опахало,
Стирали поцелуи с дряблых щёк,
И след зимы
С висков смахнули нежно.
И самолёт-ковёр лежал, как луг у ног.
И так лететь хотелось в неизбежность...

* * *

Лужи веером, снег во дворе,
Точно кожа сошла от ожога.
Дождь вуалью висит в январе,
И от этого снова тревога.
Загулявшая в полночь весна
Пахнет талой прозрачной водою.
Жизнь, как погреб набитый, тесна.
Жизнь как выгнулась яркой дугою,
Летней радугой.
Лампочек свет,
Что мигают рождественской тайной,
Будоражат всем тем, чего нет, —
В жизнь длиною любовью случайной.

* * *

И дождик лил под Новый год.
Висели капельки на ёлках.
И жизни шёл привычный ход.
Но сердце — будто на иголках.
Опять украшен город был.
Светодиодные олени
Неслись сквозь выхлопную пыль.
И были скользкими ступени,
Что освещались голубым. —
Подъём наверх, туда, где замок
Казался призраком седым.
Я выйти трусила из рамок.
Мигали звёздочки гирлянд,
Что натянули над дорогой.
И взгляд твой ветром с юга пьян,
Меня окутал, недотрогу.
И снова аленький цветок
Тянуло чудище в ладонях,
Хоть был в снегу уже висок
И с горки мчались годы-кони.
Касались губы-лепестки
Щеки, от измороси влажной.
И сквозь зыбучие пески
Ушло всё то, что было важно...

* * *

Зачем в сосульки ёлку наряжаем,
Навешиваем бусы, мишуру,
И старый год весельем провожаем,
И колупаем, будто кожуру,
Чтоб вытащить гранатовые зёрна,
На отношеньях пожелтевший лёд,
Срок приближая своего ухода,
Гуляем дни и ночи напролёт?
Фонариков волшебное миганье
Напомнит детство —
Дружный хоровод,
И с горки на фанерочке катанье,
В осколках фейерверка небосвод.
Не возратить, увы, ту веру в чудо.
И шапка лотерейная пуста.
Но для чего меня целуешь в губы,
Не веря в то,
Что жизнь начнём с листа?
И почему тебе я отвечаю,
Как стрекоза, касаюсь глаз крылом
И ничего тебе не обещаю?
Слеплю и брошу в спину снежный ком,
Чтоб обернулся,
Под лопаткой холод —
Как будто сердце остро заболит
(А ты забыл, что далеко не молод...),
И этой болью странной удивит.

* * *

Отступили морозы на шаг,
И душа встрепенулась от счастья,
Засияла как новый пятак,
Когда гладил порез на запястье.
Были губы теплы и мягки,
Оплетали слова, как лиана.
И бежали от света круги,
Как цветов распускалась поляна.
Новогодних фонариков цвет,
Поморгав, растворится под утро.
Только знаю с начала ответ
И гляжу равнодушно и мудро.
Эта музыка просто из сна
И растает, как снег на ладони.
И зелёная вечно сосна
Скоро-скоро иголки уронит...

* * *

Как ветер, голос потеплел
И обволакивает дымом.
И петухом в ночи запел,
Дохнул смятеньем юга, Крымом,
Где пахнет морем виноград,
Где укатало море гальку,
Между душой и телом лад,
Где жизнь припудривают тальком.
Хотя на улице плюс три
И машут варежками вербы,
Но, как погода ни хитри
И ни раскачивай нам нервы
Тем,
Что весна — любви пора,
Где плыть корабликом с ручьями...
...Январь стоит в углу двора
И смотрит мокрыми очами.

* * *

Рябины сладость средь зимы.
Ладони нежность ловит темя.
И свет луны течёт из тьмы,
Он льётся прямо на колени.
Смотрю куда-то за окно.
Я так боюсь очароваться.
Слова — как мягкое руно.
Луч в дом торопится прокрасться.
Подрежет свет своим серпом —
И упаду на грудь, как колос.
И поплывёт в тумане дом,
Всё набирая с горки скорость.

* * *

Ах, зачем эти губы нежны?
Растопить попытались все льдины...
Ах, зачем были мысли грешны
И рисую пастелью картины?
Снег январский —
Сугроб, как снегирь,
Полыхает на солнце закатном.
И следы — как рассыпан имбирь —
Натоптали мы в чувстве невятном,
Не навстречу друг другу, не прочь,
Не по кругу,
А просто в смятенье,
Что тихонько сгущается ночь,
Но в очаг не подбросить поленья.

* * *

Снег всё валил —
И день, и вечер...
Весь город в нём увяз по грудь.
И снова ночь всю — не замечен,
К утру замёл друг к другу путь.
Метался снег, что был так тяжек
Для хрупкой тоненькой ветлы,
Что средь толпы многоэтажек
Таила повод для молвы.
Ничуть не легче было после —
Вновь нарастал надежды груз —
И нам казалось: ходим возле
Того, что знали наизусть.
Но вслух признаться не сумели.
Хотя бы только-только в том,
Что самолюбие задела —
И путь закрыли в общий дом.
Не раскопать к нему подходы:
Мешает памятный сугроб.
Как те снежинки, тают годы,
Что на горячий лягут лоб.

* * *

Значит, поздно.
 И нет уже лёгкости,
 Чтоб летать на качелях любви.
 И робеем от странной неловкости,
 Что огонь затушили в крови.
 Значит, поздно.
 Метелица белая
 Остужает мой лоб и лицо;
 Будто снежника* ягоды спелые,
 Сыпет снег на моё пальцецо.
 И ловлю я губами горячими
 Свежий снег, забывая слова.
 И смотрю я глазами незрячими
 На тебя —
 Ни мертва ни жива.

* Снежник — Снежнаягодник (*Symphoricarpos*), именуемый также снежной или волчьей ягодой, принадлежит к семейству Жимолостные (*Caprifoliaceae*) и представляет собой листопадный кустарник высотой от 0,2 м до 3 м с белыми ягодами.

* * *

Сошлись опять, пожалуй, не всерьёз,
 Когда зима надумала нагряться,
 И, припоздав, пожаловал мороз,
 Хотя трава бездумно пахла, пряно,
 В обманчивом разнежившись тепле,
 Что было так не к месту
 И не к сроку.
 И дятел всё стучал в своём дупле,
 Что надо жить на дереве высоком,
 А не ходить слепцами по земле,
 Ощупывая льдины под ногами.
 Декабрь в смятенье прожили в тепле:
 С открытыми ходили головами,
 Как будто бы весна,
 И мы — юны́,
 И жизнь свою легко переиначим.
 И анемичный полукруг луны,
 Казалось нам,
 На ощупь был горячим.
 Он пристально смотрел в моё лицо —
 И вырастал стремительно в размерах,
 И жало обручальное кольцо,
 Когда с тобой плутала
 В высших сферах.

* * *

Вот и ушло ожидание чуда.
Праздник окончен.
И в горле вновь ком.
Горкой навалена в мойке посуда.
Окна затянуты снова ледком.
Снова полынь распустилась на стёклах...
Кажется, даже и воздух горчит.
Чуть отогревшись в руках твоих тёплых,
Сердце — как поезд под горку — стучит...
Знает, что поздно влюбляться зимою,
Что под ногами — накатанный лёд,
Что никогда ты не станешь стеною,
Время готовить повязки и йод.
Но отчего вновь душа замирает
И обрываю губами полынь,
Так безрассудно опять забывая,
Что серп луны там сквозь звёздную стынь?

* * *

Зачем поверила зиме,
Что расцветает сад в метели;
Что свет луны в крошечной тьме —
Как лучик солнца на постели?
То снег летит,
Не лепестки,
Что осыпали вишни в мае.
И снег ложится на виски,
И я в любви — глухонемая.
И скоро, скоро
Всё пройдёт,
Стареют чувства, как бумага.
Желтеет даже толстый лёд,
Впитавши глину из оврага.

* * *

Когда был город в праздничных огнях
И изморось висела тонкой взвесью,
А капельки блестели на ветвях,
Как светлячки, что самкам слали вести,
Так захотелось чуда и любви,
Что выпал снег,
Скрыв грязь на тротуарах.
А год кончал свой спринтерский забег,
И чувствовал себя больным и старым.
Ты руку протянул —
Послал сигнал, как светлячок,
Огней бенгальских всполох.
Как будто выключателя щелчок... —
И хлынул свет на отсыревший порох...
И озарил усталое лицо,
Подковою сложившиеся губы,
Зрачки-воронки,
В каплях пальтецо. —
И медные запели в сердце трубы,
Заголосили, как на кухне кран,
Разбуженный соседкой среди ночи.
И сердце повелось на тот обман,
Что нам вдвоём не будет одиноче...
...Через неделю лёг на город снег... —
И кляпом залепил все водостоки.
И ты исчез, случайный человек,
И след на снег, как в сердце, лёг глубокий...

* * *

Опять вода со снегом по колено,
Хоть Новый год ещё не отмигал.
Я вырвалась из обаянья плена.
Весь интерес к тебе, как свет, пропал.
И оттого — как будто в самолёте,
Когда вдруг резко в яму попадёшь.
И пустота звучит в мажорной ноте,
Как упадёт в копилку звонко грош.
Хвоинку с ёлки будто раскусила —
Пахучая и лишь слегка горчит.
И мило улыбаюсь через силу,
Хоть под лопаткой колет и болит.
Что, сердце, задохнулось ты от бега
По тротуарам с вешнею водой?
И с крыш съезжают льдины без разбега.
Под крышами, что плачут, ты не стой!
Не слушай ты рыдания водостока,
Что пустоту отлили в трубный звук.
От этого лишь больше одиноко
И валяются предметы все из рук,
Из рук, что помнят только поцелуи
И пальцев дрожь —
Как клавиш вниз полёт,
Как губы на порезы словно дули —
И в море жизни мы теряли ход...

* * *

Ну, вот и кончилась зима,
Смешно: в крещенские морозы.
Я всё нести могу сама
И не пугаюсь быта, прозы,
Но что-то всё-таки не так,
Коль в горле ком стоит привычно
И облетел местами лак
На жизни, в сущности, обычной.
Сугроб как пулями прошит —
Изрешечён слезами с веток.
И возраст всё-таки страшит,
И стало меньше нервных клеток,
Но принимаешь всё как есть...
Часы вперёд не переводишь,
И отыскать подснежник здесь
В себе желанья не находишь.

* * *

Я больше чуда не ждала.
Был Новый год — как будто осень.
По лужам средь огней плыла,
Среди сиреневых трёх сосен...
Куда-то в небо звал олень:
Садись скорей лететь в салазки.
И провожать год старый — лень...
И где взять времени на сказки?
Я разучилась чуда ждать.
Всё суета... И свет — за краем...
Я не ищу любви опять,
А день свой свет давно убавил...
Но ты ко мне шагнул из тьмы,
Как эльф, неся цветной фонарик,
Когда ждала-то лишь зимы...
Я так давно привыкла к хмари...
Хотелось снега,
Чтоб, как бинт,
Все затянул на сердце раны,
Чтоб серых не было картин,
Где свет пакует чемоданы.
Я знала точно: чудо-эльф
Исчезнет с утренним рассветом,
И скрипнет жалостливо дверь.
...Но колдовского ждать впредь света.

НОВОГОДНЕЕ

Всмотрелась в тёмные глаза,
Из глубины ждала ответа.
Хотелось верить в чудеса,
Очаровавшись пляской света.
Мигали все диоды врозь:
Зелёный, жёлтый, синий, красный.
Ты на меня глядел, но сквозь...
Вполуха слушал безучастно.
...И вдруг потухли все огни, —
Остались только синей неги —
В цвет неба в солнечные дни,
В крап васильков сквозь ржи побеги.
И ты в глаза мои взглянул —
И по реке поплыли льдины...
Но красный свет в ветвях мигнул
Из серебристой паутины...

* * *

Как младенец,
Кричит телефон,
Надрывается истовым плачем.
Стены в доме, как будто картон.
Слышен сдавленный шёпот, горячий.
Ты ответил, что скоро придёшь
И расскажешь о дне, что удался.
В пальцах рук чуть заметная дрожь —
Будто виброзвонок передался.
Ты вернёшься ко мне, в темноту,
Долистать безответные губы,
Долистаешь себе на беду...
И увидишь, что ночи — на убыль...
И услышишь капель за окном —
Будто кран, надрывающий душу...
...И всё дальше отходит твой дом,
Как маяк, что слезится на суше.

* * *

С каждым днём нынче раньше светает.
Свои чувства к тебе не пойму.
Всё от боли в груди обмирает,
Как неспелую вкусишь хурму.
Дай же ей полежать чуть в тепле,
Набираясь янтарного света.
Уж термометр дрожит на нуле,
И капель с тонких капает веток.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Снег вальсирует робко.
Всё стало спокойно.
Улеглась в сердце смута, как вьюжная пыль.
...Оказалось: душевная тонкость достойна
Не сгибаться под ветром любви, как ковыль...
Розовеет окошко ладонью прозрачной,
Что просвечена лампой так щедро насквозь!
Как вписалось окошко
В домишко невзрачный!
...И нацеленней жизнь на разумное «врозь»...
Та не греет ладонь,
Говорю о которой...
Стёртым знаком вопроса в окне силуэт.
Ну не смог
Для вьюнка ты стать прочной опорой —
Стоит ль застить вьюнку удивительный свет?

...С наслаждением вдохнёшь
Воздух колкий, студёный.
Словно писем клочки, снег лениво парит.
Закоулок души, словно двор затемнённый...
И не сердце, а так... под лопаткой болит.
Веришь в чудо прогноза:
Зима будет мягкой.
И прикинется жизнь обещающим сном...
Ты один.

Не от этого чуточку зябко:
Словно в сказке, живут за горящим окном...
Заскрипят все суставы осин поседевших.
Голова, словно шарик воздушный, светла.
И уходишь ты в ночь...
След ложится прилежно,
А заплата окошка сгорела дотла.

* * *

Весна нахлынула дождём,
Что лил всю ночь
И день субботний.
И мы опять чего-то ждём,
Не став от талых вод свободней.

Бежит, как горная река,
Ручей по краю тротуара.
Друг с другом слиты облака.
Лишь мы по-прежнему не пара.

Всего за сутки стоял снег.
Земля — как в сбитой марле рана.
А половодье чувств и рек
Запахло в воздухе дурманно.

И, на краю судьбы застыв,
Одна стою, без половины,
Как на разломе скользкой льдины,
Как на плоту, на ней поплыв...

* * *

Качаются на ветках воробьи,
Застывшие, как маленькие гири.
Я не летаю больше от любви:
Смотрю в окно в простуженной квартире.
Спят воробьи, не вьют на ветках гнёзд,
Как на волнах качает с веткой ветром.
Поверила тебе, что всё всерьёз,
И про себя мечтала о заветном:
Чтобы стена,
Как мягкий тёплый флок,
Чтоб рук кольцо —
Как оберег от горя,
Чтоб потолок, как небо, был высок,
Чтоб свет,
Как в голубом том коридоре,
Куда уйти, конечно, не спешим.
Стучит весна.
И снова тают льдины.
От зимних, что с протекторами, шин
Впечатывают в снег
Свой след машины. —
Но всё растает скоро без следа.
Звенят ручьи.
И блеск сосулек тает.
Любовь журчит, как талая вода,
И сердцем, как в снежки, ещё играет.

Вблизи теряет очертанья цель.
...Как воробьи за крошками от булки,
По тротуарам прыгает капель
И каблучки вонзает в переулки.
А ты молчишь
И уплываешь вдаль,
В себя,
Как тот кораблик из газеты.
Плыви, мне снов цветных уже не жаль!
Сесть на асфальт кораблику до лета...

ЛЮБОВЬ УШЛА

...Ушла, пожав плечами
В ответ на раздраженье,
И нежность в полной чаше
Покорно унесла —
Так были осторожны
Её телодвиженья:
Не расплескать бы чашу,
Где капельки тепла.

Усталость. Отрезвление.
Ноябрь в затылок дышит.
И сколько можно биться,
Как птица об окно?
Никто меня не видит,
Не чувствует,
Не слышит —
Хотя от штор свободно и вымыто оно.

* * *

Ещё чуть-чуть —
И снег прошьёт капель,
Дробинки не оставив в рыхлом теле.
А там глядишь,
Нахлынет сам апрель,
Качающий листочки в колыбели.
Хоть пухом в гнёздах кажется снежок
И ветки клонит к долу снег налипший, —
И в их сосудах не проснулся ток,
Но след простыл от птичек, гнёзда свивших.
И чувствую себя,
Как воробей,
Усевшийся на край гнезда чужого,
Где снег чуть-чуть подтаял:
Воду пей —
И ожидай от лета песни новой.

* * *

День начинает прибывать.
И за окошком посветлело.
Сугробом смятая кровать.
И, как у снежной бабы, тело.
И ноет зуб, в груди щемит.
На зуб кладу ледовый кубик,
Ведь всё равно уже знобит.
Я словно выдавленный тюбик,
Где воздух форму придаёт
Пластмассе мягкой, не металлу,
И сдуться будто не даёт...
Но оседает снег уж талый...

* * *

Любовь ушла, как с гребня пена,
В песочек мелкий, золотой.
Как кровь по капелькам из вены,
Что бритвой чиркнули стальной.
Ушла.
И нету больше жизни.
Заснувший пульс.
Холодный лоб.
А было: милый, только свистни —
И бьёт уже такой озноб!
И горечь — будто куст полыни
Рискнул попробовать на вкус,
Лизнуть,
Как первый снег,
Как иней,
Что обметал зелёный куст.

* * *

Ночной мороз пред солнцем отступил.
И оседают нехотя сугробы.
И ты чужой, но сердцу всё же мил.
И шаг один до ветряной хворобы.
Я обхожу тихонько стороной
Тебя, как набегающую лужу.
Я знаю: ты потянешься домой,
Как только позовут тебя на ужин.
Орбитам нашим нынче не совпасть.
Зачем же тянешь жаркие ладони?
И дышит, как собака, часто страсть.
Ещё прыжок, устала от погони.
Она глядит в ослепшие глаза
И лижет языком лицо и руки,
Соседская на привязи гроза,
Верёвку перегрызшая от скуки.
То всё весна...
Ручьёв водоворот,
Что к ночи застывает от мороза.
От перемены мартовских погод
Дрожат на ветках радужные слёзы...
А ночью ветки тихо зазвенят,
Закованные в панцирь как хрустальный.
И буду слушать музыкальный ряд
И думать о дороге снова дальней.

* * *

И март пришёл с лицом апреля.
Сер снег, как известь,
Весь осел.
И с крыши прыгают капли,
Но ты мне вслед не поглядел.
И я ушла, расправив плечи
И нацепив ажурный шарф,
И всё твердя:
«Ещё не вечер,
Не надувай воздушный шар.
Он полетит, чтоб зацепиться
За крону — и остаться в ней
Поникшей, сморщенной тряпицей.
И сердцу будет лишь больней».

* * *

Мне больше нечего сказать:
Две разошедшиеся льдины.
И руку если и подать —
То не изменит суть картины,
Где вскрылась чёрная вода,
Что пузырится бурой пеной
И нас разносит навсегда,
Провал всё ширя постепенно.
Да. Так бывает...
Всё росло
В нас напряжение и зрело...
Тебя куда-то понесло,
Меня бессмысленно задело.
Теперь две льдины в тишине
Разносит резвою водою.
И коршун рыщет в вышине:
Не промелькнёт ли в тьме живое?
Но только пенится река,
И льды идут своей дорогой.
И опускается рука.
...И остаёшься недотрогой.

* * *

Ушёл к другой сквозь розовый туман,
Но обо мне под зиму сожалея.
И сердце задымилось, как вулкан,
Чтоб все следы стереть твои скорее,
Чтоб лава поглотила все сады,
Леса,
Поляны,
Где с тобой мы были.
Не жалко мне поникшей лебеды.
И в горле запершило мне от пыли,
Когда уехал,
Зло нажав на газ...
И в облако закуталась дорога.
И слёзы вдруг посыпались из глаз.
И думала: «Вернись же, ради бога...»
Но оседала пыль опять к ногам,
И нежно бёдра гладила осока.
И осень шла за мною по пятам
Цыганкою, что скалилась убого.

* * *

Опять молчишь.
Растаял дымом
Твой голос в воздухе сыром.
А жизнь летит любовью мимо.
Пристанет к берегу паром —
И вновь назад,
К другому плёсу,
Всё поперёк идёт реки.
А дело движется к морозу:
Огни погасят маяки.
И надо будет берег выбрать,
Чтоб зимовать в уюте дней.
Ты всё играешь с сердцем в игры,
И с каждой ходкой жизнь ценней.

* * *

Мне не нужен никто.
Проживу, я привыкла,
Только если бы кто-то дышал за стеной,
Только если бы утром будила улыбка,
Расцветала с утра, как цветок голубой:
Звать «цикорий», как помню,
Растёт по полянам;
Кто б ночами подсвечивал тьму, как табак, —
Голова кругом шла б от такого дурмана
И не видела б вовсе, что в будущем мрак.
Пусть кряхтят половицы
И кто-то вздыхает.
Можно просто уткнуться в плечо головой,
Чтобы за руку взяли у самого края
И, как в детстве, вели, утешая, домой.

* * *

И в памяти твой облик,
Словно маска,
Что снята перед тем,
Как в землю лечь.
Окончилась придуманная сказка.
Любовь мы не сумели уберечь.
Горчат воспоминанья,
Будто терпкость
Рябины,
Что не тронута снежком.
Моей избушки резче вижу ветхость.
И потянуло волглым сквозняком.
Кончается столь ласковое лето,
И горечь оттого ещё сильнее.
И полыхают листья бересклета.
И жизнь опять становится ценней:
Ведь полыхнёт, как рыжих листьев всполох.
Скляют рябину,
Коль ожжёт мороз.
И я несу воспоминаний ворох
И удержать стараюсь море слёз.
Я знаю:
После, как зимой рябину,
Воспоминанья буду я клевать,
Смотреть опять в ссутуленную спину
И ягодку за ягодкой срывать,

Что станут слаще и светлее мёда.
А, значит, не ушла совсем любовь.
И лить на раны стану много йода,
Чтоб не казалась ягодами кровь.

* * *

И первые в конце зимы морозы
Напомнят: всё приходит, что должно.
И с высоты заснеженной откоса
Лишь белое увижу полотно.
Нет берегов,
Нет русла...
Только поле...
Никто не видит,
Как течёт вода.
Вот так и мы — сжимаем рот от боли,
Но на лице от чувства — ни следа.
Всё там внутри,
Под панцирем из льдины.
Там подо льдом всегда бежит река,
Что всё же к лету упадёт с плотины
И отразит, качая, облака...
Всё вскроется.
Всему черёд свой будет...
И как любовь ты в сердце не таи,
Не уверяй других в своей остуде,
Она задышит паром от земли...

И ищешь след
от змея в облаках ...

Светлой памяти моей мамы,
Эльвиры Бочковой, поэта

И ищешь след от змея в облаках...

* * *

Неужели в безликую темень
Уходить так легко, не спеша?
Потянулись под горку ступени.
И идёшь ты по ним, не дыша.
Покачнулась под весом дощечка.
Хлипко скрипнула — и замерла.
И дрожишь догорающей свечкой.
Дышит темень в лицо из угла.

* * *

Лето пальчиком вдруг поманило.
Почки клювы раскрыли свои.
В прошлогодней траве у могилы
Мать-и-мачехи шапки взошли,
Словно солнышки
В ржавой травище,
Что снега приклонили к земле.
Здесь и ветер сегодня не свищет.
Сладко жмурятся люди в тепле,
На мгновенье почти забывая,
Что в двух метрах родные лежат,
Что жизнь — глупая штука такая:
Никогда не вернёшься назад.
Как горошина та, валидола,
Что катал онемевший язык,
Чтобы снять в сердце боль от укола,
Этот свет,
Что на крестик льёт блик.

* * *

Только локти кусать остаётся.
Жизнь проходит. А ветер в лицо —
Освежает водой из колодца,
И растаяло близких кольцо.
Только тени бесплотные рядом.
Мамин голос.
По горло вода.
С крыши слёзы посыпались градом,
Как в тот день, что ушла навсегда,
Чтоб вернуться и встать за спиною —
И вести, чтоб по жёрдочке шла,
Что идёт высоко над землёю,
И тянуть, словно нитку игла.

* * *

Твой голос всё реже и реже
Врывается в тихий мой дом.
И, как в телефоне сквозь скрежет,
Слова различаю с трудом.
Советовать мне перестала.
По ниточке света иду,
А сетки страховки не стало. —
Я сразу на твердь упаду.
И в комнате нашей холодной
Часов пульс лишь бьётся сквозь тишь.
Себя ощущаю свободной —
Капель так срывается с крыш.

* * *

Опять февраль дыхание возвратил
Зимы, что показалась нам безбрежной.
И ты тянулась из последних сил
Пробиться из снегов,
Как тот подснежник, —
И вырваться в весну:
Ведь там ручьи,
Капель звенит
На струнах водостока...
И снег светил, как светлячки в ночи,
И пухом выстилал тебе дорогу.
...И стали нам снега в полях по грудь.
И, как подснежник, был лиловый короб... —
Ты в нём плыла сосулькой талой в путь
И покидала белый душный город.

* * *

Разбудит солнце на лице,
Что как любимого ладони.
Зима расщедрилась в конце...
Играет кто-то на гармонии
В другом подъезде по утрам,
По выходным... —
А сон — как вата.
И под разучиванье гамм
Он тает снегом ноздреватым.
Он оседает, как сугроб, —
Уже совсем и неглубокий.
И лижет солнышко мне лоб,
Хотя молчат все водостоки.
Молчат карнизы, и коты —
Ещё не время обновления.
Сухие в вазочке цветы
Напомнят нежные мгновенья.
Но вспомнит снова странный мозг...
Цветы в снегу и ветер в поле,
Лицо любимое — как воск —
Совсем разгладилось от боли. —
И солнца луч не разбудил.
А я стою на перекате
Зимы в весну...
Совсем без сил...
И всё — как в белой той палате...

* * *

Снова март.
Снова чёрная кромка
По сугробам, осевшим от слёз.
Снова в жизни нелепая гонка
И, конечно, любовь не всерьёз.
Снова память подводит к той тропке,
За которой не видно ни зги.
Белый снег.
Мама в поле, как в лодке,
Поплыла среди белой шуги
В непроглядную страшную прорубь.
Белый снег на любимом лице.
Небо крылья раскрыло, как голубь,
И печётся о новом жильце.

* * *

Насквозь пронизывающий ветер
Меня толкает больно в грудь.
А снег посыпал на рассвете
И пухом выстелил всем путь,
Что был в колдобинах от лома:
Так по утрам долбил зло лёд.
И на карнизе старом дома
Сосульки просятся в полёт.
Уже весна...
Вот только холод,
Догнав, в глаза мои взглянул.
А белый, в сонных пробках город
Баюкал в колыбели гул:
Шуршанье шин,
Трезвон трамваев,
И смех, летящий под откос,
И воробьёв на ветках стаю,
Кота, что нёс трубою хвост...
Зима в бинтах тянула руки,
Как мама в март последний свой, —
С тех пор, капли слыша звуки,
Мне чудится курантов бой,
Стук молотка и всхлипы ветра,
Летящий из руки платок,
И яма глубиной в два метра,
И из стихов большой веноч.

* * *

Вот и всё.
Не будет больше лета.
Только снег, как тополиный пух...
Помнишь, август
Полыхал кометой,
Воздух был разгорячён и сух?
Ягоды рябина осыпала
Угольками в пепельный ковыль,
На цветах увядших оседала
Липким слоем угольная пыль.
Солнце раскалённое катилось
Головнёй дымившего костра.
Ничего в том лете не случилось,
Только боль была как нож остра,
В бок впивалась горестной догадкой,
Что конец пожара впереди:
Подкрадётся с лисьей он повадкой —
Рыжий хвост мелькнул уже в груди,
Заметая горестные мысли,
Что как яд — сквозь дым пожара вдох.
Все деревья осыпали листья —
Словно искры, падали на мох.

* * *

Притянула руками на грудь,
Взяв, слабея, за плечи руками.
Жизнь успела, как заяц, мелькнуть
И пропала в лесу, за кустами,
В тёмной чаще,
Как солнечный блик.
На опушке — проталин соцветья.
И на шёпот сорвавшийся крик
Опустился на сердце мне плетью:
«Я люблю тебя, слышишь, люблю!
Но не выбраться нынче из ямы,
Отойди! И не стой на краю...
И гляди даже в сумерках прямо».
Только год озираюсь назад,
Где всё глажу шершавые руки.
И по жизни бреду наугад
Через тёмную чашу разлуки.

* * *

Мокрый асфальт из-под толстого льда
Траурной лентой бежит под ногами...
Как же случилась такая беда,
Что налетела всей силой цунами?
Что налетела — и разом снесла
Всё, что за жизнь возведёно с любовью,
Только любовь, воротясь, не спасла.
Тонкая вена — с отравленной кровью.
Снег почерневший увозят в поля,
Копотно съёжились за день сугробы.
Как затянулась неловко петля
В снежном безволье тоски и хворобы?
Капает с крыш —
Как по тонкой игле,
Что выпускала по каплям лекарство.
Тоненький голос, возникший во мгле,
Наобещавший конец всем мытарствам...
Капает медленно слишком капель,
Жизнь убегает по каплям быстрее.
Где-то за краем остался апрель,
В поздних слезах хрупким настом чернея...

* * *

Сон как сон —
Где все снова живые,
Обнимают и гладят меня.
Зеркала почему-то кривые
И рябят, отраженье гоня,
Словно озеро в ветреном лете:
Бросишь камушек —
Снова круги.
Нет любимых и близких на свете,
За окном — продолженье пурги.
Светит лампа безжизненным светом,
И сутулится тень над столом.
Сны уходят с неспешным рассветом,
Вижу комнату, всю в голубом:
Припорошены снегом тюльпаны,
Густо иней окутал цветок.
Плачут-воют на кухоньке краны,
И под горлом не тает комок.

* * *

Сколько снега вокруг навалило,
Что по тропке лишь можно пройти.
Сразу вспомнилась в поле могила,
Что как рана на белой груди.
Коридор тот прорыли лопатой —
И пройти можно только гуськом
По тропике прямой и покатою,
А вернуться нельзя и бочком.
Все уже навсегда попрощались
У дороги проезжей без слёз.
Словно ветки, тех руки качались,
Кто сиреневый ящик понёс.
Как взбиралась в тяжёлую гору
За какой-то озябшей спиной, —
И не чувствуя больше опоры:
Лишь сугробы стояли стеной.

* * *

Колючий снег в конце апреля
Всё перепутал, побелил.
Погоды качка на неделе —
И мы, конечно же, без сил.
Вчера ещё, казалось, лето
Махнуло ласково рукой,
Из рукава скользнув рассвета,
Вздымая крылья за спиной,
Чтобы лететь навстречу свету,
Туда, где новая любовь...
Рой белых мошек сгорбил плечи...
Лицо, нахмурившее бровь.
Я снова вспомню март тот белый
И раны зёв среди снежных дюн.
Там время с горки полетело —
И память оплело, как вьюн:
Чуть снег весной —
И всё по новой...
Врастаю с мамой в рыхлый снег.
Метель кружит так бестолково,
Как в тьму уходит человек.

* * *

Я научилась жить одна,
Лишь тишина скребётся в душу.
В глазницы комнаты луна
Глядит так пристально, что трушу.
В ночном тумане расплылась
И стала озером огромным;
Зовёт в свой омут,
Будто страсть, —
Так манит тёмным взглядом томным;
Дорожку стелет серебром —
Как снег на солнце, путь искрится.
Ступи: где ветер за окном,
Там к близким можно прислониться...

* * *

Корни выползли ужами.
Грунт размыло у откоса.
Окна стали витражами:
Лупит дождь по стёклам косо.
Из апреля сразу в осень.
Только листья все зелёны,
А не только хвоя сосен.
Но дрожат от капель клёны.
И к земле прижались травы
И бессильны распрямиться.
На погоду нет управы.
...Как в сырых могилах спится?
Лодку вашу затопило —
И не вычерпашь воду.
Жизнь была.
И счастье было...
Плыли годы-пароходы... —
И в причал уткнулись носом,
Что ушёл теперь под воду.
Дождь бежит по лугу кроссом.
Вам не выйти на свободу.
Говорю себе:
«Ведь дышишь!
Как ликёр катать день каждый,
Ливня топотом по крыше
Даже если тот окрашен...»

* * *

Вы лежите средь талой воды
В шестистенном своём заточенье.
Бесконечные эти ряды.
Под землёю вода без теченья.
Для тебя здесь шестая весна
Пахнет деревом мокрым и гнилью.
Эта небыль и темень тесна,
Только вырваться к свету бессильна.
Улетела на крыльях душа
И спокойно в саду отдыхает.
И лежишь ты в воде, не дыша,
И не знаешь, что день прибывает.
Крот скребётся, сопит под бочком,
Роет узкий туннель среди ночи. —
Ну, хоть кто-то не мёртвым сучком!
Без крота здесь ещё одиноче.
...Как смола, эта ночь навсегда.
Ты не видишь, что я приходила.
...Ледяная до дрожи вода
Выгоняет крота из могилы.

* * *

Всё зарастают лесом берега:
Стоит стеной — и силу набирает.
И наша жизнь в сравненье коротка
С деревьев веком,
Но и их ломает
Однажды ветер, налетев с грозой.
Не зарастает память лишь пыреем:
Я вижу близких,
Маму молодой,
Воздушною,
Парящей в небе змеем...
И я бегу за ней,
Но по земле.
Я тоже взмыть хочу туда,
Где ветер бродит.
Но не хватает сил ещё в крыле...
А змей летит,
Из рук моих уходит...
Я нить держу,
И страшно: вырвет вдруг,
И я останусь
Маленькой и жалкой
Там, где заросший лебедю луг
И где тропу отыскивать мне палкой

Средь всех кустов,
С колючками,
В шипах,
Где обожжёт в закат крапивой жгучей,
Где ищешь след от змея в облаках,
Что унесён вмиг налетевшей тучей.

* * *

Тихий омут, небесные очи
Вдруг подёрнуло облачной плёнкой.
Только лунные ль видятся ночи?
...Глина, высохнув, вьётся позёмкой.
И ни капельки мутного страха
В тех глазах, что спокойно мелеют.
И намокла от крови рубаха.
И лоскутья, как флаги, алеют.
Пережать бы ту свежую рану!
Хлещет кровь,
Забирая все силы...
Ворон крикнул
Средь поля гортанно
Над осокой поросшей могилой.
Ну а мы, что столпились в тревоге,
Растерявшись в тоске и смятенье
От накатанной дальней дороги,
По которой уходишь ты тенью,
Ничего изменить не умели.
Ночь качнулась и в нашем сознание.
...Только птицы залиvistо пели,
Где-то там, за невидимой гранью...

* * *

А без дождя гроза страшней.
И слёз тропинки не ищите...
Ведь с каждым годом жизнь ценней
И молний ярче, ярче блики
На рябью тронутой воде...
Друзей испуганные лица,
Помочь спешащие в беде...
...И снег не тает на ресницах
Того,
Кто был, как жизнь, любим...
Друзья, дивясь,
Отметят силу:
Как запылённый пилигрим,
Ты шла по осыпи могилы.

* * *

И судорога по реке,
Как в уходящем мокром теле,
Что от конца на волоске,
А нервы вовсе на пределе.
Гляжу, как дёрнулась вода
От рыбы, прыгнувшей на воздух.
Я вспомню, как пришла беда,
Хотя к реке неслась на отдых...
Я вспомню мамино лицо
Сквозь дымку влажную тумана,
И рук разомкнутых кольцо,
И тремор пальцев непрерывный.
А мне казалось:
Отлегло,
Смирилась —
И живу, не плача.
Но, как сквозь тёмное стекло
Затмение,
Вспыхнет мир иначе.

* * *

Как скоротечно ветреное лето!..
Как суетлива призрачная жизнь!..
Вновь жмуришься от солнечного света
И говоришь себе: не плачь, держись!
Лови лучи, что пряно пахнут мятой,
И изучай на небе облака.
Наедине с волнами и утратой,
Как рыба, плавай в омуте садка.
Всё мнится голос, будоражит эхом,
Что растворил плевавший снегом март.
И прячешь от людей тоску за смехом,
Как в разноцветном всполохе петард.
Рвануть щеку,
Забредив пляской света,
Что стёртое лицо проявит вмиг.
Так одиноко и пустынно лето!
Вкус волчих ягод леденит язык.

* * *

Ни с кем, ни слова...
Но не тишина.
Скрипят суставы высохших деревьев.
Я привыкаю жить теперь одна
В пустынном доме,
Как в угрюмой келье.
Шагов не слышно.
Разве старый ёж
Вдруг напугает топотом среди ночи...
Но явь иль сон — так сразу не поймёшь.
И ночь от ночи нынче одиноче.
Так хочется весь день пересказать:
Откроешь крышку —
Пар порхнёт наружу,
И сможешь в голове всё увязать,
Но никому твой мир теперь не нужен.
Всё меньше книг читают по ночам
(Болят глаза и времени негусто:
Опять слизняк надумал есть кочан —
Подсуетись, чтоб выросла капуста).
А мне смотреть, как покосился дом:
То ль грунт ползёт, то ль рухнула подпорка.
И дверь закрыть могу с большим трудом,
Хотя кому нужны души задворки!
Вот чинно мышь пошла наперерез.
Знать, за свою почти что принимает.
И сад — не сад, — деревьев диких лес,
Где сквозь листву лучи не проникают.

* * *

Солнце светит нещадно и прямо.
Отвожу от лучей я глаза.
Вспомню лето, где жили мы с мамой, —
И опять выползает слеза.
Вспомню лето,
Где дождик неверный
Всё не шёл,
Хоть его заждались.
На горе опустела цистерна, —
С гор ручей не бежал в неё вниз.
И под осень лишь дождик вернулся. —
Куст сирени воспрянул в саду:
Вдруг зацвёл, вдруг от спячки очнулся,
Не предвидя метель и беду.

...Если б знать,
Что последнее лето,
Где я слушала в доме шаги!
...В пятнах крови листва бересклета
Проплывала по глади реки.
Волчьи ягоды
Каплями крови
Опадали
На берег крутой.
Мама жизнь, как бескрайнее поле,
Перешла, не позвав за собой.

* * *

*...Мне не весело, не радостно.
Крот приполз на солнцепёк:
На конце сухого августа
Ищет тонкий ручеёк.*

*Ручеёк едва ли сыщется —
Скрылся в гари дымовой.
...Мне — как в день последний пишется:
Водит жизнь моей рукой.*

Эльвира Бочкова. Август, 2010 г.

И мама всё-таки пришла
Во сне коротком, но глубоком.
В саду запущенном нашла
На том крыльце, поросшем мохом:
Я нежно в строчках сплошь тетрадь
Качала грустно на коленях
И продолжала горевать
На сгнивших стареньких ступенях.
«Не слушай, дочка, никого!
Я голос свой в тебя вложила.
Ты слушай только лишь его
И не живи, как крот, бескрыло.
Ты вспомни:
Крот на звон ручья
Приполз в то лето в смоге дыма.

Вода блестела, как парча...
Плыл дым — как танец лебединый...
Но зеленела жизнь в стихах,
Что уцелели в тех пожарах,
И время победив, и страх,
Живут, хотя меня не стало...»

ЗАТМЕНИЕ

Всё в этом мире, как с тобой...
Собака лает у соседей.
И ветер начал листвою.
И осень тащит старый бредень.
И сыплют яблоки с ветвей —
Чуть больше спелого гороха.
И скрип стволов у тополей.
И от жары мне душно, плохо.
И уезжать уже не жаль.
Луны затмение — раз в столетье.
На лик — как чёрная вуаль.
Как лента траурная плетью
Меня ударит по глазам. —
И сердце ухнет, точно филин.
И эти страшных полчаса
Меня сотрут в крупицу пыли.
...Ты не сумела посмотреть
(С небес — другая панорама),
Как натянуло время сеть...
Но вытащить на небо рано.

* * *

Как ветер в поле, лето без тебя.
Занудный дождь по крыше
День и ночь долдонит.
Осокорь старый,
На ветру скрипя,
Вдруг ветку наземь с грохотом уронит. —
Сухая, отвалилась, куст сломав
Смородины,
Что потянулся к свету.
И я стою среди примятых трав
И думаю:
«Ну что опять за лето!
Всё дождь и дождь...»
И холод достаёт,
Течёт с плаща на мокрые коленки.
Крылечко всё размокло и гниёт.
И мох вырос внизу фасадной стенки.
Ветшает всё.
Что толку жизнь латать?
В свой час сломает падающим суком.
И лучше б ничего о том не знать,
Кружить пчелой
Над битым градом лугом.

* * *

И зло визжат тупые бензопилы,
Распиливая душу и стволы.
И дождик сеет мелкий и унылый.
И тени обживают все углы.
Всё чудится:
Здесь кто-то снова ходит
И половицы жалобно скрипят.
И дерево сухое в огороде
Поскрипывает горестно не в лад.
И я опять ступаю осторожно.
Я так боюсь шаги в доме спугнуть,
Хоть знаю, возвращенье невозможно.
И капли на балконе, словно ртуть,
Тяжёлые, безвольные, как слёзы,
Повиснут на ресницах у сосны
И заблестят алмазом от мороза,
Как мама забредает нынче в сны.

* * *

Заснула под утренний дождь,
Что целую ночь собирался.
Я знала: во снах ты придёшь,
Хоть жизни клубок размотался.
Его не смотаешь назад:
Все спутались тонкие нитки,
Как наш неухоженный сад,
Заросший до самой калитки.
Но тянет магнитом туда.
Там солнце повисло на клёнах.
Их пилят и жгут иногда,
Да снова на крыльях зелёных
Летят там и сям семена,
Под дождь прорастая, как травы.
И высится клёнов стена,
И нет на них вовсе управы.
И фразы твои, и стихи
Всё шепчут бедовые листья
И мартовский ветер пурги
Мешают зелёною кистью.

* * *

И стенка вся как будто в кружевах.
Их май сплёл за день
Из теней и света.
И ветер закружился в головах,
Весь в поисках забавного сюжета.
Ещё вчера рентген был на стене,
Где ветки — как заломленные руки
При полной, разливавшей свет луне,
В окно смотревшей с ликом скорбной муки, —
Со сломанными рёбрами скелет,
Где плоть видна в одном воображении.
И за окно манил далёкий свет —
Тем, что у встречи будет продолженье,
Той, что сорвал тяжёлый снегопад
И все следы замёл в холодном поле.
Но ты являлась после — год подряд —
И сердце ныло от любви и боли.
А после реже стала приходить.
И замолчала, не даёшь советы...
Но как луна разматывает нить —
Так я тянусь к той ниточке из света.
Я — как лунатик,
От крестов бегу,
Что на стене сколачивает ветер,
Что исчезают в дождик и в пургу...

...А нынче рябь воздушных лёгких петель.
Ажурный, незаконченный узор,
Как кружево стихов —
Лишь чуть печали.
И за окном луна глядит в упор
И встречу где-то там мне обещает.

* * *

Когда глядишь ты вниз сквозь облака
С той высоты, неведомой до срока,
Где тоже есть, должно быть, луг, река,
Где не ведёт сквозь тернии дорога
К тем звёздам,
Что мерцали, как сердца,
И обещали жизни бесконечность,
Но только после жизни здесь конца,
Когда почую лета быстротечность,
Подай мне знак,
Окликни, приласкай,
Как ветерок, погладь по коже в цыпках. —
Тогда не испугаюсь, видя край,
Но не тяни к себе, смотав всю нитку.

* * *

Живёшь в раю.
Меня всё так же любишь.
Живой приходишь в снах на полчаса,
Но в сад наш ты не спустишься, не ступишь,
Услышав здесь родные голоса.
Тебе другие птицы серенады
Выводят в экзотическом саду,
И заывают в озеро наяды,
Что видела в горячечном бреду,
Но и тогда не поддавалась на чары,
Но села в лодку,
Ту, где грёб Харон.
...Я память, словно струны у гитары,
Тревожу, но беру неверный тон,
Хоть он высок,
Как коршуна паренье.
Хотела б верить:
Видишь с высоты,
Как я пишу в слезах стихотворенье
И в зеркале нашла твои черты.

* * *

Запахло черёмухой сладко.
Вернулись опять холода.
И жизнь не тиха, и не гладка.
Земля под ногами бела. —
То снег, перемешанный с цветом...
Летят сквозь снежок лепестки.
И не к кому нынче с советом,
Хоть тени уже не резки.
Всё стёрто.
Сквозь белое зелень, —
Не уголь рисунок чертил.
Хоть день — ни один — не бесцелен,
Нет в замках воздушных стропил —
Лишь башенки, шпили, балконы...
Там крыша парит в облаках.
Снег спутал природы законы.
Не тают снежинки в руках.
Быть может, то я не живая?
Но запах дурманный плывёт...
Быть может, преддверие рая,
Где птица в снегах запоёт?

* * *

А лето совсем не спешило.
И с севера дули ветра.
Визжали под окнами пилы:
Деревья убрать со двора
Старались,
Что сломаны бурей...
Вновь грусть приходила тайком,
Что дом наш, набитый, как улей,
Теперь заселён сквозняком.
Я окна закрою от пыли,
Закутаюсь в старенький плед.
Мечты не окажутся былью,
И в юность не купишь билет.
Молчат целый день телефоны.
Играют ноктюрн за стеной,
Знакомый до боли, до стона. —
Накроет высокой волной,
Откатит — и снова накроет...
Протащит по серым камням,
Что где-то под бытом в три слоя
Твой голос журчит по полям.

* * *

Вот и июль.
И подкралась печаль.
Выросла снова, как тень за спиною.
День — словно вынесло море янтарь
Средь серой гальки. —
И сердце занает.
Мама, как бабочка в том янтаре,
Крылья раскрыла
Для взглядов сквозь вечность.
Камень прозрачный лежит на крыле.
Взгляд устремлён,
Как предел, в бесконечность.
Смотрит из строчек.
И голос звучит,
Как наяву,
Тишину разрывает,
Что словно ткань
Не по швам затрещит,
Будто напомнив,
Что жизнь убывает,
Что ты когда-нибудь тоже уйдёшь.
Даже янтарь помутнеет с годами!
Белый туман,
Жизнь, разменная в грош.
Горечь разлуки уйдёт вместе с нами.

* * *

Как промельк белки на ольхе,
День ясный в слякотном июле.
Ромашка белая во мхе,
Писк комара в пчелином гуде.
Дождь месяц сеет в решето,
Цинк крыши взяв одной октавой.
Я снова вспомню лето то,
Где выгорали в поле травы,
Где солнце было без лучей,
Как диск луны, в угарном дыме,
Где мамин голос — как ручей
Сбегал с горы
И пел о Крыме,
Где юность паводком прошла,
Что подарил любовь под старость;
Что жизнь к концу, пел, подошла,
И к топору вьюнком прижалась.

* * *

А август был на солнце щедр.
И ночи — молоко парное.
Но память извлекла из недр,
Как дождь стоял вокруг стеною —
И жгли камин,
Чтоб протопить
Насквозь простуженную дачу,
И не умели жизнь ценить.
Она катилась, словно мячик
Под горку
Вместе с той водой,
Что с гор смывало вместе с глиной...
И мамин голос молодой
Вдруг с песней выплыл лебединой
О том, что смолк кукушкин счёт:
Ей бузиной забило горло.
...А время ручейком течёт
И все тропинки к дому стёрло.

* * *

Будто осень —
Два месяца лета...
Дождь стучит ноготками в окно.
Дни длинные, но холщового цвета,
И в душе, как за ставней, темно.
Загрустила,
Как будто бы градом
Поломало побеги любви.
Ничего-то как будто не надо...
Жизнь летит,
Миг лови — не лови...
Дом простужен.
И кашляют двери.
Носом хлюпают краны в ночи.
Сыро, холодно, точно в пещере,
Где подземные бьются ключи.
И печаль обняла будто мама
В тот последний сумбурный приход.
И как крест тот заснеженный — рама, —
Под которым лежит пятый год...

* * *

Душа ли это?
Вздых слетает
И жмётся в сумерках к окну...
Хоть отступила я от края
И сеть из памяти тяну.
В ней вперемежку с тиной рыба.
Блестит живое серебро.
Тащу, как будто в сетке — глыба.
И ноет сердце — не ребро.
Мне кажется,
Что мама входит.
То дверь скрипит от ветерка
На жалобной, плаксивой ноте
И выдирает из мирка
Под ватным мягким одеялом...
Её зову...
Но тишина.
Шесть лет уже её не стало,
А всё слов музыка слышна...

* * *

Шелестя покошенной травой,
Снова подошла обнять печаль.
Пахнет опадающей листвою,
Пред глазами — сумрачный февраль,
Где ещё с тобой мы говорили
И болело сердце всё сильнее.
Помнишь раньше:
Плёнку проявили —
Чёрным стало, что белó, на ней.
Белый снег — и чёрные сугробы,
По весне что впитывали гарь.
И, наверно, нужен свет особый,
Чтоб смотреть не жмурясь прямо в даль.
Кромкой наста чёрного темнеет
Поросль леса
Сразу за песком.
Не плыви: рука уже немеет,
Не гляди на омут тот тайком.
Всё равно снесёт рекою быстрой:
К берегу другому — путь зимой,
Костерок вдали, что тлеет искрой,
Лес притушит траурной каймой.

* * *

Вот и прожили новое лето.
Всё мерещились в доме шаги.
Было море сквозь листья в нём света,
И парили в лучах пауки.
Было ласково лето на редкость,
Лишь щемило в нём сердце не раз,
И избушки замшелая ветхость
С потолка сором сыпала в глаз.
Жалко скалились сгнившие доски,
Обнажив небо рваной дырой.
Всё летели на лампочку мошки,
Пол усыпав, как будто трухой.
Их сметала под утро,
Жалея
Разве ж бабочек кверху брюшком, —
Будто листья в прозрачной аллее
Под ногами, под первым снежком,
Все припудрены старой побелкой.
Если б можно всех к жизни вернуть!..
И по глади скользить водомеркой,
Не боясь в чёрный омут шагнуть...

* * *

Так в доме прибранном тревожно.
Зачем на цыпочках хожу
И стул так ставлю осторожно,
Как будто сон чей сторожу?
Опять забылась, что одна?
Слова роняю над тетрадкой.
Нырну — и в памяти со дна
Достану ракушку украдкой.
Слезой промою перламутр,
И край поранит мёртвым боком,
Но затяну повязки жгут
И буду думать о высоком.

* * *

В чужую весну убежала
Из марта, где снова мороз,
Где с крыши сосулек кинжалы
Блестят, ослепляя до слёз.
В чужую весну улетела,
Где нежно пробилась трава,
Где нет никому-то здесь дела,
Что мама моя не жива.
Брожу средь чужого тут рая
Деревьев без листьев в цвету,
Но снежное поле без края
Затмило вокруг красоту.
То снежное поле и рана,
В которой сырая земля,
Как будто корят из тумана,
И сакура — как конопля.

* * *

Перед отъездом забрела печаль
И притянула, чтоб обнять руками. —
И стало уезжать из дома жаль,
Хотя уже неслась под облаками
Туда, где солнце, море, виноград. —
Вот так прощалась с мамой,
Не прощаясь:
«До завтра!
Всё пойдёт теперь на лад,
И руки опускать нельзя, отчаясь».
...Но завтра снег запеленал весну.
Белела снегом светлая палата.
И мама оставляла дальше жить одну,
Бежать из дома,
Чтоб забыть утрату.
И я бежала в город тот чужой,
Что как букет невестой кинутый
Ловила...
И так хотела в тишину, домой,
Где с мамой потихоньку говорила
Как будто бы с живой...
То был не сон...
И всё хочу вернуться,
Когда поплыл за окнами перрон
И плещет море с голубого блюдца.

* * *

Опять приснишься мне живою.
И голос — словно наяву.
Чем сердце нынче успокою?
Тем, что по заводи плыву?
Вода — подёрнутая ряской.
И лоб мой сморщила река.
И рву цветы в букет с опаской,
Что дразнит пчёл моя рука.
В зените солнце.
В круг деревья,
Стоят, как близкие, стеной.
Мотор буравит речку дредью.
Жужжит слепень
Как заводной.
И я одна в июльском рае.
Родных зову — не дозовусь.
Я продолжаю бег по краю,
И всё ж когда-нибудь сорвусь.
И голоса во мне растают,
Соскочат с кончика иглы
В синь неба, чья бязь выцветает,
И тучки — горстками золы.

Жизнь вошла в колено...

* * *

Похудели сугробы все за день.
В чёрной корке от выхлопов наст.
Взгляд чужой ненароком украден.
...Жизни прошлой вдруг вынырнет пласт:
Будто солнышко вскрыло сугробы —
И берёшь прошлогодний листок
Золотой —
Нет в помине там пробы:
Ржавый лист притулился у ног,
Хоть и осень была золотая...
Бабье лето дарило тепло...
Ворох листьев в апреле сжигая,
Вдруг порежусь, схвативши стекло.
Солнцем брызнут той жизни осколки,
Что цветок преломляла в воде,
Там просыпались в сердце иголки,
И теперь вот со мною везде.

* * *

Подать рукой уже до лета.
И снова солнце бьёт в глаза,
Хотя ещё тепло одета
И слабо верю в чудеса.
Их нет.
И никогда не будет.
И близких больше не вернёшь.
И милый мой не приголубит.
Но ветра тёплого хлебнёшь —
И снова крылья вырастают:
Летать, как в детстве в ярких снах.
Снега, как сахар в чае, тают,
Но привкус соли на губах.
Опять кусала молча губы,
Увидев путь грачей домой:
Как едкий дым свивают трубы,
Свет преграждая голубой.
Летят, дымы не огибая,
Коль время снова гнёзда вить.
И птичий крик — как звон трамвая,
Что здесь нельзя переходить.
Остановлюсь, вбирая небо
В себя
И думая о том,
Что к цели тянемся мы слепо
И в облаках рисуем дом.

* * *

Первая проклюнулась трава.
Зеленеет коврик на пригорке.
И кружится плавно голова,
Словно в детстве где-то на задворках,
На качелях,
Где акаций куст
И черёмух дебри распушились.
Запах сладкий, приторный, так густ!
Как же быстро жизнь почти прожили!
Облетела —
Как весенний цвет,
Что сожрал проклятый долгоносик.
Не замедлить эскалатор лет,
Что тебя
К корням кустов уносит...

* * *

Почему не радует тепло,
Майское, внезапное, шальное?
И смотрю на ветки сквозь стекло:
Солнце выплывает золотое.
Будто просят птенчики поесть —
Почки, словно клювики, раскрылись.
Я опять в том марте, а не здесь,
Хоть и тру окошечки от пыли... —
Сколько накопилось с октября!
Божие коровки кверху брюшком.
И смола — как россыпь янтаря
На сухой, в мороз сгоревшей чушке.
Почему нахлынула печаль?
Вскрылась, будто речка в половодье,
Разлилась, холодная, как сталь,
И качает облаков лохмотья...
Почему? Ведь лето впереди...
Уезжать из дома не готова?
Всё боюсь: начнут стучать дожди,
Будто странник, в окна бестолково...

* * *

Внезапное июльское тепло,
Хотя лишь десять дней —
Как вскрылись почки.
И улицу промыло, как стекло,
И всё короче и светлее ночи.
Но отчего-то грусть пришла тайком
И поселилась вот уже с неделю,
И слизывает слёзы языком,
Окутывает пледом на постели,
Хотя уже на улице жара:
Лишь в комнате моей ещё прохлада.
И месяцев — все девять — я ждала
И, как ребёнку, солнышку я рада...
Но грусть пришла на кладбище опять
И обняла дрожащими руками,
Хотя сирени лепесточков пять
Я отыскала, как волшебный камень.
Там каркал ворон что-то про любовь,
Усевшись на заброшенной могиле,
Где дерево сломало ветром вновь,
Хоть прошлый год ещё казалось в силе.
И отвечала самочка ему
Своим совсем не мелодичным пеньем.
И листья жгли, и жизнь текла в дыму,
Хоть полоса была, скорей, везенья.

И средь кустов там ржавый обелиск
Ронял на землю как бы капли крови.
И, словно гонг, звучал железа лист,
Оторванный от стареньких надгробий.
Там женщина лежала на траве,
Уже зелёной, — и смотрела в небо.
И белый мрамор — будто был в золе,
И ясно было, что никто с ней не был...

* * *

Лета лишь завяжь,
А гложет печаль.
Плавится город —
Так май колобродит!
Цвета, столь быстро опавшего, жаль.
Так вот и жизнь облетает, проходит...
Так и уйдёшь сквозь посыпавший снег,
Ляжешь туда,
Где сплетаются корни,
И не замедлить стремительный бег.
Катятся дни, словно мутные волны.
Вынесет снова на гребень —
И вниз;
Так и качаешься в поисках света.
Сменит своё направление бриз.
Звёзды растают на кромке рассвета.
Так растворишься однажды и ты,
Словно звезда, отражённая в море.
Кто-то озябший по краю воды
Будет бродить в неоплаканном горе.

* * *

Токует ворон на погосте...
В лесу средь брошенных могил.
А я пришла к любимым в гости.
К ним год никто не приходил.
Упало дерево на холмик,
Лежит, как будто человек.
А у мышей конфетный полдник
И знатный из галет обед.
Иван-да-Марья среди листьев,
Лежащих выцветшим ковром.
А я машу по цепи кистью,
Как будто здесь и вправду дом,
Как будто здесь лежат живые.
Им не даёт бревно вдохнуть.
Перо воронье в серой пыли
Бесстрастно колет прямо в грудь.

* * *

Перелётная пташечка, лето,
Не спешит возвращаться назад...
Нет обратного, видно, билета.
Машет голыми ветками сад...
Мать-и-мачеха лишь на пригорке
Распушила цыплячий свой пух.
Жизнь вприпрыжку пустилась уж с горки,
Не боясь поломать свой каблук.
Оттого торопить не желаю
Это лето, что мигом пройдёт.
И дышу пьяным воздухом мая,
Что похож на подтаявший лёд.

* * *

Июнь пришёл —
И дунул снегом...
И поломал деревьев строй.
И я, уставшая от бега,
Взираю с грустью на разбой:
Вот перевёрнутая тумба,
Вот крыши лист сирень примял,
И в ветках тополя
Вся клумба,
В синь неба в потолке прогал
У той кафешки возле парка,
Где про любовь мне говорил,
И битых стёкол рядом свалка,
И визг надрывный бензопил. —
Всё уберут...
И солнце глянет,
Снежинки слижет языком;
И чувство, что бегу по грани
И путь уже давно знаком;
И страх,
Что вмиг перевернётся
Весь дом,
Как из колоды карт;
Тщету со временем бороться,
Когда оно пришло в азарт...

* * *

Зло ветер срывал провода,
Заборы валил и деревья.
И вспомнились сразу года,
Где выстрелом хлопали двери. —
Не просто уйти, а с хлопком,
Чтоб после понуро вернуться...
И знать, что расхристанный дом —
Он тянет назад оглянуться,
Притопать
И двери закрыть...
И комнату мерять шагами...
И, лишь потеряв, оценить
Всё то, что пихали руками...

* * *

Что за лето?
Опять холода.
Град блестит ледяною шугою.
Высока, как весною, вода.
Жизнь не будет, наверно, другою.
Буду так же средь лета грустить
О потерянных близких под дождик.
И по осени — гнёзда не вить.
Только чувствую в сердце я гвоздик,
Как под пяткой, что вылез чуть-чуть,
Бередит, натирает зло кожу.
Как хотела б себя обмануть,
Что на молодость старость похожа.
Даже лучше!
Ведь стала мудрей,
Различаю все ноты в букете.
И как будто смурной воробей,
Провожавший на юг на рассвете
Стаю птиц,
Тех,
Чья гибель — мороз,
Я свыкаюсь с ветвей сединою.
Но всё жду, словно чудо, прогноз,
Где почувствую — как за стеною...

* * *

Печаль подкралась лёгкими шагами
Под дождик, барабнящий в стекло,
И не ушла, когда я за делами
И некогда посмотреть мне за окно:
Там зонтики цветные, будто фишки
Передвигает лёгкая рука,
Там гонят, как на скутере, мальчишки
На самокате, где течёт река,
Там джипы стынут в пробке средь потока...
Там ветки опустили тополя,
Танцую под фанфары водостока.
Там на газонах чавкает земля,
Хоть щёточка травы торчит заодно,
Как на макушке вздыбился вихор.
И та трава, что называют сорной,
Поддерживает старенький забор...
Вот так и люди... —
Жили как чужие...
Но вот ненастьем старость подошла.
И рады лишь тому,
Что все живые
И рядом —
Отчего светлеет мгла.

* * *

Весь день в колючках и буграх,
Камнях,
Что натаскало селем.
Мой дом скрипит на всех ветрах
И не похож на чудный терем.
Но мне по-прежнему так люб,
Сильнее, чем в счастливом детстве.
Висит на гвоздике тулуп
С плащом болоньим по соседству.
Висят давно,
Который год. —
Как на рыбалку вышел папа.
И в темноте, как старый крот,
Уткнувшись в пальто, почуяв запах:
Он не ушёл ещё родной,
Он пахнет табаком чуть, печкой,
И крепкой каменной стеной,
И тиной, что качала речка.
Дурела я от сигарет,
Тошнило от такого дыма...
Теперь же нюхаю, как след
Собака, еле уловимый...
Он обрывается вот здесь...
И я кружусь опять в смятенье.
И дыбом на загривке шерсть...
И дым — как руки привидений.

* * *

Всё лето ещё впереди.
День тёплый — лишь первый подарок.
Так что же щемит так в груди? —
Как тает на торте огарок...
И горько, что юность ушла,
И страшно, что старость нагрянет.
С клюкою ко мне подошла
И пальчиком скрюченным манит.
Не надо, пока не мани:
Я крылья для взлёта раскрыла.
Мне видятся сверху огни,
Что светят, как будто вполсилы.
...Подбросить сушняк, бересты,
Смотреть зачарованным взглядом,
Как скрючило пламя листы,
Что были запущенным садом...
Всё больше знакомых
Вот так
В ночи полыхнут —
И уходят.
И после всплывают сквозь мрак
Звездой на большом небосводе.

* * *

Три дня царило летнее тепло —
И почки свои клювики разжали.
И вымытое — в бликах всё — стекло
Зелёных листьев копы отражало.
Ещё два дня. —
И листья в рост пошли —
И ветер шевелил их с силой прежней.
Как айсберги, большие корабли
Поплыли по реке холодной, вешней.
Я подставляла солнышку лицо,
Серевшее,
Как будто залежь снега,
Впитавшего в себя всю гарь, —
Там, где кольцо
Машин на площади
Тащилось, как телега.
...Но было так обманчиво тепло...
Вновь сеет дождь.
Сечёт, как розги, ветер.
И только просветлённое стекло
Напоминает мне о скором лете.

* * *

Равнодушная катит река —
Год за годом
Плывут пароходы.
Устаёт, затекает рука,
Силясь ветки пригнуть с небосвода.
Их ломает от сочных плодов,
Что увидело цепкое око.
Где те ветки, что ниже голов,
Где июль, где не столь одиноко?
Я всё та же:
Ещё молода.
Я не верю, что солнце — к закату...
Каждый год возвращаюсь сюда,
Только годы идут без возврата.
Смело яблони в небо растут,
Оплетая веранду ветвями.
Облаков оживает лоскут,
Словно парус, надутый ветрами.
Лишь за кромку озёр унесло
Столько близких, стоявших стеною.
Под верандою сгнило весло
От воды, подкатившей весной...

* * *

Опять прибывает вода.
Стоит половодье в июле.
Забылась та боль и беда,
Что так подкосили, как пули.
Но горечь и жалость в душе,
Что годы меж пальцев уходят.
Дни тают, как сладость драже,
А сердце грустит на свободе.
Неужто не будет любви?
Была же обещана встреча!
И взгляды — лови, не лови, —
Уже приближается вечер.

* * *

Посмурнел покосившийся дом.
Половицы скрипят под ногами.
А за лесом раскатистый гром.
В баке первые капли кругами.
Всё уходит, как в землю вода.
Переживший хозяев домишко.
И гудят на ветру провода.
Будто птицы, взлетает бельишко
На верёвке,
Как ветер тугой,
Ударяет наотмашь, с размаха.
И не будет ведь жизни другой.
И никто не восстанет из праха.

* * *

Невыносимый блеск
Безветренной воды,
И робкий рыбы плеск,
И горечь лебеды.
Здесь всё уже не так.
Нет в ягодах бугров.
Пиратский реет флаг
На пирсе катеров.
И я уже не та.
Сачком поймала грусть.
И годы — как с куста,
И в юность не вернусь,
Где верила в любовь:
Одну до зимних дней.
Расчёсываю в кровь,
До красных волдырей
Укусы комаров. —
Всё зуммером зудят.
В чужом садке — улов,
И рыбы мёртвой взгляд.
А вспорют — как рванёт
И выскользнет из рук.
Взмах плавников — и взлёт —
И на зелёный луг.
...И нам плетёт творец
Ажурную канву
И из стальных колец
Садок, что не прорву.

* * *

Опять печаль,
Хоть солнце высоко,
И небо голубое, как цикорий.
И близкие в нём где-то далеко.
Но грусть светла от трепетных историй.
Ещё один расхристанный июль
Летит с горы,
Разбрасывая вишню,
С той меткостью летящих мимо пуль.
И в нём себя увидеть веткой лишней,
Что разоделась в охряной наряд,
Как будто бы с монистами цыганка:
И юбки рыжим пламенем летят,
И красный лист раскрыт, как будто ранка.
Летит июль, как кубарем с горы,
Как яблоко, сорвавшееся с ветки.
И знаю, что грустить мне до поры,
Как позовут в туман холодный предки.
Растаять в небе призрачным дымком,
Что память ветром принесёт кому-то...
Вслед за июлем мчусь я босиком. —
И колются травинками минуты.

* * *

Крутится пропеллером ветряк.
Направление ветра — нынче с юга.
Снова солнце жаркое в гостях.
Жизнь идёт, как водится, по кругу.
Но уже не всё здесь узнаю.
Катерами облюбован берег,
Что стоят, как будто бы в строю.
А моторы нынче — просто звери.
За кормой весёлый веер брызг.
На ватрушке сзади мчится детка —
И такой стоит счастливый визг,
Что дрожит, к воде нагнувшись, ветка...
...И себя почую ветряком,
Что укажет ветра направление
И проводит свет в холодный дом —
И предметы обрастают тенью.

ОТПУСК НА ДАЧЕ

Снова сердце щемит от потери.
Вот уже день седьмой отпускной.
И заклинило в юность все двери,
Где мечталось легко под сосной.
Залатала и крышу, и руку,
Что поранил запущенный сад.
Год за годом — как будто по кругу,
Словно солнце — опять на закат.
Только сколько уже не вернётся
К этой речке, что мирно бежит...
Жизнь моя, как выюночек, всё выётся,
На земле без опоры лежит
И травинки плотней оплетает,
Порываясь махнуть в облака,
Что опять собираются в стаю, —
Глянь: к строке потянулась строка...
...И пригрезились мама и папа,
Молодые.
Качели в саду.
Шишки сосны качают на лапах,
И боюсь: в лопухи упаду.
А качели всё выше и выше... —
...И уже в облаках я парю,
Хоть и знаю, что дождик по крыше,
Он зарядит из них к сентябрю.

* * *

Лес вспыхнул ночью огоньками.
Впрямь неземное волшебство!
И я неверными шагами
Пошла на это торжество.
Свет изумрудный,
Словно в сказке,
Блуждает средь кустов-чертей.
Он — как от лазерной указки —
По годовым колечкам пней
Скользит...
Снежинкой исчезает,
Когда ладонь к нему тяну.
В пятнашки с темнотой играет.
...А жизнь живём всего одну.
Гнилушка старая,
Что селем
Принесена с высоких гор...
И мы наивно в чудо верим,
А свет рождает сгнивший сор.
...Во тьму и я
Уйду когда-то...
А после свет вернётся к вам,
Как светлячок, зеленоватый,
Как в ночь пред Пасхой вспыхнет храм.

* * *

Доделывают лестницу к реке,
Ведущую с горы крутой и скользкой.
Прилаживают досочку к доске.
А мы спускались по тропинке сколько?
Здесь ежевикой набивали рот,
Царапая искусанные ноги.
Здесь я кропала в тоненький блокнот
Стихи о том,
Что на реке — пороги
И бьют ключи с холодной глубины,
Когда плывёшь по солнечной дорожке.
Так впереди, казалось, дни длинные,
Что ягод сладких наберёшь лукошко.
Мостила жизнь:
Досочка за доской,
Как лестницу, ведущую с откоса.
Но перекошен тот ступенек строй:
По ним спускались дождики и грозы.

* * *

С ладоней воздух пьют назойливые осы.
Он сладок и горяч,
И впрямь почти нектар.
И пчёлы и шмели покинули покосы.
От скошенной травы идёт духмяный жар.
Летают здесь, в саду,
Заросшем львиным зёвом,
Повиснув на цветке,
Высасывают сладость.
А у меня опять все думы не весёлы —
О том, что время вновь
Показывает власть.
Вот отпуск и прошёл,
Хоть солнце нынче жарит.
Коряв у яблонь ствол,
Что тополь затенял.
Но выправились всё ж
И потянулись к дали,
Где солнце средь ветвей
Мигает им в прогал.
И думаю о том,
Что старики уходят
И открывают свет
Другим, что за спиной.
Уж так заведено, как ни грусти, в природе.
И кто-то там уже рванулсЯ вверх за мной...

* * *

Жаркий июль зажимает в тиски.
Ночи душны и травища по пояс.
Снова в объятьях неясной тоски.
Снова печальная пишется повесть.
Дом покосился,
Навес набекрень,
Петли скрипят заржавело и жалко.
Там, где в окошко стучалась сирень,
Стёкла царапает жалобно палка.
Словно котёнок скребётся в окно,
Выпустив когти из мягких бареток,
А на обоях от ливней пятно...
Крыша —
Пристанище сломанных веток,
Что обломили с берёзы ветра,
Словно шалаш разметала здесь осень.
Снова лягушки орут до утра.
Память на отмель, как лодку, выносит:
Носом уткнётся всё в ту же косу,
Где все живые и брод по колено,
Где столько света в июльском лесу,
Что до сих пор я не вырвусь из плена.
Свет паутиной оплёл, словно моль,
В люльке качаюсь из солнечных нитей,
Залитых светом, баюкая боль,
И не готовлюсь для новых отплытий.

* * *

Лунный диск на воде,
Над водой — будто пар.
Так подвижны луны очертанья!
И, как зуммер, пищит неотвязный комар.
Крик совиный в ночи — как рыданья.
Но протянешь ладонь —
И весь свет облетит,
Опадёт, словно цвет у жасмина.
Лунный свет чешуёй на воде заблестит,
И никак не собрать воедино.
Я хотела б забыть
И не помнить о том,
Как любила я лунные ночи,
Где стоял за спиной
Освещённый наш дом.
Только жизнь оказалась короче...
Брошу камень —
И призрачный диск пропадёт.
И закружатся в танце осколки.
Соловей как безумный в чащобе поёт.
И впиваются в сердце иголки.

* * *

Опять река прозрачна и чиста.
Зенит у лета.
Буйных трав цветенье.
Жизнь не начнёшь,
Как с чистого листа.
В саду притихшем
Тонкий запах тленья —
Так сад запущен.
Срубленный сушняк
Гниёт который год.
Рассохлась печка.
И дом,
Как набок севший пароход,
Весь накренился в сторону крылечка.
Летят труха и мошки с потолка.
Скрипит осокарь старыми ветвями.
И эта жизнь тесна и коротка
И то и дело хлопает дверями.
Побудь ещё, совсем не уходи,
Уже ушли так многие в тот холод.
Там ничего не будет впереди.
И распахни застёгнутый свой ворот,
И впалой грудью ветерок вдохни,
Он пропитался травами и хвоей.
Как крылья стрекозиные здесь дни,
И пережной лежит уже в три слоя.

Никто не жжёт опавших листьев медь.
Всё, как в лесу, сплетается корнями,
Как сеть сосудов...
Как грудная клетка,
Река здесь дышит и рябит тенями.

* * *

А травы всё гуще и гуще.
Деревья дошли до реки.
Печаль гложет прежнего пуще,
Хоть райские нынче деньки.
Так долго готовилось лето
Спокойным теплом одарить
Ту жизнь, что без вкуса и цвета,
Но тянется, будто бы нить
Из старой кофтенки,
Что с детства,
Давно коротка, хоть мила.
Кому же оставишь в наследство?
На нитки пустить — все дела!
За петелькой петелька быстро
Ложится в извивах вся нить,
Как будто и не было смысла,
Когда-то те нитки крутить
Из тонких, чтоб были прочнее,
Чтоб кофту до дыр всё таскать...
Как не было вовсе ребёнка,
Осталось чуть-чуть распускать...

* * *

Плывут неспешно облака:
В них проступают лица милых.
Вот машет мамочки рука,
Зовёт туда, где воздух стылый.
Вот папа смотрит сквозь туман,
Как в детстве, подхватить готовый,
Поднять к себе за тонкий стан,
Где свет увидишь — льётся новый.
Бабуля, руки распахнув,
Как два крыла,
Зовёт в объятья
И будто подметает путь
Из кос освобождённой прядю.
Вот дед спокойно смотрит в даль,
Где полыхает шар заката,
Как будто впрямь ему не жаль
Ту жизнь, где были все не святы.
Всем видом будто говорит:
«Уйти не бойся в поднебесье.
Там всё отхлынет, отболит.
Но не родится в горле песня...»

* * *

Пахнет опять горьковатым дымком.
Лето в разгаре,
А ночи студёны.
Не напиваюсь холодным глотком
Воздуха,
Что пропитался палёным.
В небо смотрю —
Сколько звёзд в вышине! —
Точно букашки — пока в отдаленье.
Мучает лёгкий озноб в тишине,
Словно предчувствуешь гибель и тленье,
Словно мерещится скорый конец:
Будут шуметь корабельные сосны,
С ветки взлетит желторотый птенец —
Только тебе не увидеть те вёсны.
Запах еловый как в день похорон.
Хвоей усыпан весь сад под ногами.
Жизни суровый и старый закон:
След на воде разойдётся кругами.
Так же и мне,
Словно камень, лететь.
Сколько кругов насчитают с причала?
Только бы что-то оставить успеть... —
Горсть из того, что судьба обещала.

* * *

Июля жар проходит стороною.
Опять грущу одна в тиши сосновой.
И дождь стоит хрустальною стеною.
И лица близких обступают снова.
Они глядят, глядят из темноты.
Из комнаты углов выходят тени —
И проявляют милые черты.
И чудится, что обернулось время:
И я робка, наивна, молода;
И возраст, как болонка, спит у двери.
И кажется: ушли не навсегда
Все годы те, что мимо пролетели.
Они вернутся, встанут на крыльце,
Под струи с крыши
Ковш ладош протянут —
С той детскою улыбкой на лице —
И на тебя с таким упрёком глянут.

* * *

Подброшен август вилами на ветер. —
И разлетелся жёлтою трухой...
Я так хотела б жить здесь вечно в лете,
Где дождик не ступает ни ногой.
Но снова небо тучей затянуло,
Как веко набухает синяком.
И тучи друг на дружку вдруг замкнуло. —
И сразу потянуло сквозняком.
И молния, как небо, вдруг пронзила
Обмякшую меня средь буйных трав,
Что лето мимо пальцев пропустила:
Ни капли не попало мне в рукав.
Все ласки были с привкусом ментола:
Катали на горячем языке, —
И холодок, как будто от укола,
Боль растворял в разжатом кулаке.

* * *

Детский смех доносится с реки,
Как хрустальный всплеск:
«За счастье встречи!».
Все родные нынче далеки.
Обниму саму себя за плечи.
И парит как бабочка листок.
Как качели, тоненькая ветка.
Жгучий спазм замедлит кровоток.
Не спасёт волшебная таблетка.
Колокольчик маленький, звени!
Хрусталём разбейся над волною.
Как ручей весенний, прогони
Ту тоску, что дышит за спиною.
Положила руки мне на грудь —
И прижала,
Замерев в надежде,
Что замру — и не продолжу путь
Вдоль реки, как плавала здесь прежде.

* * *

И в старой заводи болотной
Застыла тёмная вода.
К лицу приблизилась звезда,
Свой свет плеснув в лицо холодный.
Свет зачерпну в ладоней ковш,
Но утечёт меж пальцев тонких,
По сердцу полоснув, как нож,
Что я уже не та девчонка,
Что в ночь боялась выходить,
Где бились звёзды рыбой в сети,
Пытаясь темень осветить,
В том давнем, отпылавшем лете...
...Проходит жизнь.
И рыбы плеск,
И всхлип весла,
И шёпот ивы
Мелькнут, как звёздной пыли блеск.
А мы опять нетерпеливы
И гоним время вскачь и вскачь... —
Коня стреножить бы напиться
Там,
Где луну,
Как полый мяч,
Вода качает на ресницах.

* * *

Едкий дым донёсся от костра,
Будто листья мокрые сжигают.
Эта жизнь, как водопад, быстра.
Ледяные брызги обжигают.
Едкий дым палёных шашлыков,
Что с соседской дачи тащит ветер.
Рваные простынки облаков.
И печаль плетёт паучьи сети.
Вяжет горечь огненных рябин.
В сердце вновь полынная свобода.
Стелется река, как будто бинт,
Сколько лет осталось до ухода?
Нет родных.
Зарос крапивой сад.
Не найти тропинки между сосен:
Пробираться к свету наугад.
Жить — как плыть куда-то вниз без вёсел.
Помню, в детстве:
Что ни шаг — то мель.
Волоком тащили лодку к устью.
Боль от всех случившихся потерь.
Ощущение жизни в захолустье.
Сколько там доплыть мне до конца?
От лучей дремотная истома.
Рвутся как бумажные сердца
У калитки пряничного дома.

* * *

Плывут кувшинки по реке.
И я плыву, забыв о цели,
Как шар воздушный налегке.
Все души близких улетели —
Не манят больше, не зовут:
Живи, как знаешь,
Без советов.
И строчки лёгкие придут,
Как брызги солнечного света. —
Как пух слетят на гладь воды
И заскользят по ветру мимо
Земли, где быть могли сады...
И только смерть непоправима.

* * *

Показались кувшинок листы.
Входит в русло река.
Скоро осень.
И по пояс без листьев кусты.
А траву здесь давно уж не косят.
Заросли берега все травой.
И сижу средь ромашек и мяты.
Жизнь не будет, наверно, другой.
Облака проплывают из ваты...
Где вы там, дорогие мои,
Что ушли и не видите больше,
Как летают над лугом шмели
И как мне год от года всё горше?
Жизнь соседей, как речка, бежит.
Строят замки из белого камня.
Городской здесь внедряется быт
И железные ставятся ставни.
Ну, а дом наш всё тот же стоит.
Вся в заплатках из шифера крыша.
Кособокий и жалкий на вид.
В нём гуляют по комнате мыши.
Я тебя, дом мой, крепче люблю —
И с верандой, покрытою толем.
Ты на сердце накинул петлю,
Я опять задыхаюсь от боли.

* * *

Опять гремит с утра
И душная истома.
Не верится в прогноз,
Что кончится тепло.
Хоть вдалеке ещё
Звучат раскаты грома,
Уже звенит протяжно
Всё в трещинах стекло.
Уже за Волгой дождь —
Им берег тот завешен:
Как будто горизонт
Над морем потемнел.
Живёшь среди травы.
Ход дней здесь
Так неспешен.
Как лук-батун, растёшь,
Не выпуская стрел.
Что цели?
Тлен и дым.
Уйдёшь, как все уходят,
Как падает листва
И засыхает ствол.
Пушинка на ветру.
Круговорот в природе.
Сравнявшийся с землёй
От вод весенних холм.

* * *

Стареют яблони и сливы,
В наростах плесени стоят.
Я здесь была такой счастливой,
В жасмин закутавшись до пят.
Пуст дом.
Не дразнят мыши кошек:
Ушли туда, где веселей
И больше вкусных хлебных крошек.
Тих скрип расхристанных дверей.
Стучат здесь яблоки по крыше.
Играет ими ветер тут,
Как погремушки, их колышет.
А за забором мусор жгут.
И тащит дымом, гарью, тленом.
И воздух в ком горчащий свит.
И на реке гудит сирена,
Как мчится доктор Айболит. —
Опять угнать хотели лодку...
И дышат звёзды, словно ёж,
Колючие,
Как в горле водка,
Что на поминках глушит дрожь.

* * *

Здесь всё другое нынче, не узнать.
Здесь катера томятся у причала.
Особняков на берег вышла рать,
И все ушли, кто помнит дач начало.
Хотя одна бабуля всё живёт,
Ей больше ста, была и в Сталинграде.
Она всё помнит...
Каждый тот налёт...
И ясность неба светит в детском взгляде...
Здесь скутера и лыжники снуют.
Стоит ветряк, что крутит ветер в поле.
Я наложу на память толстый жгут:
Остановить поток неясной боли.
И посинеет память, как река,
Где проходили белые «Ракеты»,
Где живы все и молоды пока
И в бадминтон играют и в крокеты.
Капустницей порхает там волан.
И прыгаю я девочкой счастливой,
Не зная ни про смерть, ни про обман.
И варится варенье там из сливы
Три дня:
И спичкой сливу проколоть...
И времени на это сине море...
И для чего придумал так господь,
Что память — как дыра в гнилом заборе, —

И можно изловчиться и пролезть
В ту жизнь,
Где мама с папой молодые.
То было далеко, не верится, что здесь...
Качали головами шары там золотые...

* * *

С горы опять летят лохмотья туч.
Сатиновое в пятнах одеяло.
Шиповник отцветающий колюч.
Я мир любить весь этот перестала.
Одна лишь грусть.
Печальные стихи
О доме опустевшем и осевшем.
И на воде от дождика круги,
Что в половодье нынешнем, не вешнем.
Я говорю себе:
Ну, не грусти.
Уйдёшь и ты,
Как сгинули родные.
Смотри, как распустились здесь цветы,
Хотя дожди — как слёзы затяжные.
Здесь каждый миг
Так ценен. И уйдёт.
И никогда уже не повторится.
И бабочки над заводью полёт,
Где зацвела и в холода водица,
Так безмятежен! —
Села на листок, —
Нет, не кувшинки,
Тот, что брошен вязом, —

И поплыла,
Куда несёт поток.
Ведь жизнь одна
И оборвётся разом?

* * *

Такая большая вода,
Как будто весной половодье.
С горы поскакали года,
Но держишь упрямо поводья,
Пытаясь в узде удержать...
Такая вода... Как в апреле...
Дед, бабушка, папа и мать
В промокшей насквозь спят постели...
Я в воду вхожу по траве,
И пахнет жасмином, как в мае.
И дождик стучит в голове.
И снова те дни вспоминаю,
Когда первый раз поплыла,
Не чувствуя папины руки,
Как лебедь, прижав два крыла, —
Не зная о вечной разлуке,
Не думая даже о том,
Что нет больше дна под ногами,
Ведь рядом махали веслом. —
Спасательный круг — под руками:
Корма из фанерки. —
Держись!
...Я плаваю нынче бесстрашно...
Ну, может закончиться жизнь,
Не так уже это и важно...

* * *

Под вечер грусть пришла гостить.
Уселась нагло на колени
И попросила тихо пить
Меня, размякшую от лени.
И стала в губы целовать,
Потом в глаза,
Что стали влажны,
Перебралась затем в кровать
И целовала сгиб мой каждый.
Хотела вырваться —
Но где ж!
Я как пчела в цветке тонула,
Чей аромат в дождях был свеж, —
И как росы его хлебнула.

* * *

Яблоки ветки к земле притянули. —
Как снегири, копошатся в траве,
Там, где стоит скособоченный улей.
Рой улетел...
Мысль одна в голове,
Что ничего не успеется в жизни.
Будет за августом август сгорать.
Нету погоды под осень капризной.
Птицам опять этот сад покидать.
Снова гремит над стальной рекою.
Медленно туча ползёт в тишине.
Запах аниса и нота левкоя.
Молнии вспышки на той стороне.
Мимо протащит
Иль краем заденет?
Или накроет опять с головой?
Так и над жизнью сгущается темень.
Выйти сумеешь ли после живой?

* * *

Осыпается грунт под ногами.
Волны дюн,
Сплошь зыбучий песок.
И, за воздух хватаясь руками,
Ищешь взглядом бездумье дорог,
По которым так в юности бредил,
И казалось: уж даже нашёл.
Ветер дунул — и мир обесцветил.
Лишь песчаная буря, как шёлк,
Липнет к телу
И ластится грозно.
И не видишь дороги назад.
Иногда возвращаться не поздно.
И бредёшь сквозь песок наугад.

* * *

Как странно: молодость прошла.
Смотри ей вслед — не остановишь.
...Я счастье в опыте нашла:
С ним в дряхлой лодке не утонешь.

Зачем хотеть чуть выше стать —
Чтоб россыпь звёзд похитить с неба?
Смысл жизни всё искать, искать,
А не черстветь, как ломтик хлеба?

Хоть корка льда с реки сошла,
Гребу с трудом — на середине.
На воздух вёсла подняла —
И обомлела: вёсла в тине!..

**ВСЁ БОЛЬШЕ ЛЮБИМЫХ
ОСТАЛОСЬ ЗА КРАЕМ****1**

Всё больше любимых осталось за краем.
Уходят — как в тамбур захлопнули дверь.
А будто недавно распахнутым маем
Гуляли, не зная о хине потерь.
Сужается круг,
И сдувается шарик
Воздушный,
Повешенный в спальне на крюк.
И только впитавший луч солнца фонарик
Горит на дорожке, бегущей на юг,
Спешащей на юг среди тёмного сада.
Жасмин облетел, и сирень отцвела,
И только вьюнок,
Как лоза винограда,
Белеет сквозь сумрак.
И в сердце игла
Опять уколола
Тоской о любимых,
Что тоже когда-то смотрели с крыльца.
И падали звёзды,
Не в руки им — мимо,
И было ещё далеко до конца.

2

Всё больше знакомых осталось за краем.
Уходят, не думая мир покидать.
Как будто и не было душного мая,
С черёмухой, что начала отцветать.
Как будто и не было нежных объятий,
Где пах поцелуй земляничным кустом.
Как будто и не было после проклятий
За то, что сложился, как карточный, дом,
Что думали: «Будет стоять словно крепость,
Ветра отражать, словно зеркало — луч».
Какая ж была то наивность, нелепость
Той веры,
Что хлябь вся стоит из-за туч;
Что их разогнать —
И вернётся всё снова:
Зелёный шалаш и по пояс трава,
И полный садок золотого улова,
И кругом пойдёт от даров голова.
Лишь только бы жить,
Не остаться за краем...
Кто знает,
Отмерено сколько нам дней?
Как старый лопух, уцелеть за сараем,
Косы избежав,
Жить как цепкий пырей —
Пускай все обрублены крепкие корни! —
Ещё отрастим и пробьёмся сквозь грунт.
Лишь только бы день обошёл самый чёрный,
В котором ни звёзд не зажжётся, ни лун.

* * *

Как в мае, большая вода,
Хотя середина июля.
И тихо грущу у пруда,
Где слепни летят, словно пули,
Чтоб кровушки сладкой испить
В день,
Солнцем пропитанный щедро.
Всё поздно.
И гнёзда не свить.
Но в памяти день, словно цедра,
Засохнет цветной кожурой:
Лимонной, оранжевой, яркой,
Чтоб запах хранить дорогой,
Насыщенный аурой жаркой.

* * *

От ветра ёжится река,
Как будто осень на подходе.
А лишь июль ещё пока,
Но всё попуталось в погоде.
Все зарастают берега.
Боль утихает от потери.
И разметало, как стога,
Друзей, хотя открыты двери.
Ушли родные в никуда.
И сад шаги их забывает.
Замкнулись веткой провода, —
И в землю ток, как дождь стекает.
Мы все стечём туда дождём
И развезём тропинку к дому,
Так затуманив окоём,
Что станет всё здесь по-другому.

* * *

Так захочется снова тепла
Напоследок от быстрого лета.
Только я всё тебе не мила
И не жду даже просто привета.
Тянет плесенью снова в окно.
И пчела замерла в паутине.
От дождей над гардиной пятно,
И изгвазданы брючины в глине.
Знаю, знаю:
То просто хандра.
Одиночество.
Тяжесть потери.
Это просто такая пора,
Когда листья с кустов полетели.
Больно стариться,
Страшно уйти
Даже к близким в том сказочном рае.
Будто жизнь прожила взаперти,
Будто вправду пружинка стальная,
Что сжимают,
Но снова, глядишь,
Распрямилась, качается только.
И опять губы дудкой — свистишь,
Чтоб совсем не расплакаться горько.

* * *

Такое тепло напоследок.
Июльское. Прямо жара.
Я прячусь в сплетенье из веток,
Где света и тени игра,
Где клёны сцепились ветвями.
Синь неба сквозь зелень льёт свет.
И хлопает дом мой дверями,
В котором родных больше нет.
Лишь мыши за стенками пляшут,
Пугая шагами в ночи.
И замок воздушный из башен
Растаял, оставив ключи.
И ключик блестит позолотой
Средь свитков тугих бересты.
Жара. Погруженье в дремоту.
Монисты бросают кусты.
Ладошку за ключиком тянешь... —
И солнечный зайчик мигнёт:
«Всё, больше себя не обманешь». —
И чудо растает, как лёд.

* * *

Сколько птиц поселилось на вишнях!
Что-то громко кричат о своём...
И себя я почувствую лишней.
И печалюсь,
Что все мы уйдём. —
Даже птицы туда не летают.
И обратной дороги там нет.
Жизнь короткая наша такая...
И успеть бы оставить в ней свет...
И блуждает в осоке средь ночи
Светлячок, что уснуть не даёт.
...А под вечер ещё одиноче
И на сердце весомее гнёт.
И полоска дрожащего света
Из-под двери скрипящей скользит... —
Как душа, заплутавшая где-то,
Будто в руки летящий болид,
Что сгорит по дороге до пыли... —
Этот свет будешь всё вспоминать,
Свет любимых,
Что были, ведь, были...
Этот свет невозможно обнять...

* * *

Разговоры вокруг ни о чём...
Бабий смех — как бутылку разбили...
Только я — в мире строчек своём
Всё стекло протираю от пыли.
Но разводы опять на стекле...
И не радужны мутные пятна.
Люди крепче стоят на земле,
И слова их любому понятны.
Мой же птичий язык
Им звучит
Словно ласточки голос с обрыва, —
Где скала на откосе — ей щит...
Вверх на гнёзда взирают пугливо...

* * *

Цветёт шалфей.
И мутный плеск воды.
Три дня жары
За всё сырое лето.
Пусты и тихи в этот год сады
Зелёного, без жёлтых пятен, цвета.
И первый в это лето выходной,
Когда река согрелась солнцем спелым.
А на реке не кончится прибой
Из волн от катеров и лодок белых.
Стоит не прекращающийся рёв.
И радужная плёнка от бензина.
На берегу валяется улов.
И мухи вьются, чую запах тины.
Винтами перемолоты цветы. —
Плывут лениво по теченью с пеной.
А я грущу.
И буквы на листы
Роняю, словно слёзы, неизменно.
И поздно в жизни что-то изменить.
Я не впишусь в причуды поворота.
И тянется ещё той жизни нить,
Где мёдом все наполненные соты
И улей-дом жужжит.
И живы все...
И будущее в розовом тумане.
...Вот катер снова вышел на глisse —
И листики кувшинок все изранит.

* * *

Как же быстро мой отпуск проходит!
Ручейком с гор —
И жизнь утекла.
Мышь по комнате наглая бродит,
Чует запах еды со стола.
И за стенкой шуршит бестолково,
Будто мама листает тетрадь.
Я бросать этот дом не готова:
Каждый год возвращаюсь опять.
Скособоченный стоптанным ботом,
Из трубы не курящий дымком,
Больше требует, старый, заботы.
Так и тащит из тьмы сквозняком...
Что с тобою ещё, милый, будет,
Коль уйду за туманный тот край?
Ведь никто так тебя не полюбит,
В строй коттеджей забредший сарай.
Я тебя подлечу, подлатаю,
Обливаясь горячей слезой.
Жизнь короткая, милый, такая:
Громыхнёт и прольётся грозой.
И расколет край неба на миг лишь...
А потом всё травой зарастёт.
Так и ты здесь окажешься лишним.
Жизнь, как ливень июльский, пройдёт,
Как сквозь крышу дырявую дождик,
На полу оставляя труху.
Я люблю тебя, дом мой, до дрожи.
Только жизнь я продлить не могу.

* * *

Как обманчиво это тепло —
Словно в самом разгаре июля.
Мир сквозь тёмное даже стекло —
Будто фреске все краски вернули,
Что давно начала выцветать.
Слоем пыли покрылась с годами.
А теперь заиграла опять
Нежной радуги всеми цветами. —
Так бывает,
Когда уходить —
Приближается время, как поезд.
Жизни яркая длинная нить
Истончилась, кончается повесть.
Только вдруг —
И откуда взялись? —
Силы с жаром огня возвратились.
И по-прежнему тянешься пить,
Вдруг подняться с улыбкою сияясь.
На поправку!
Ещё поживём!
Ведь не сброшены рыжие листья...
Их чуть-чуть опалило огнём,
Что оскалом ощерился рысьим.
Только завтра опять голова
На подушку опустится сонно...
Жизнь прошла,
Пролетев, как стрела...
Только темень глядит непреклонно.

* * *

И шелест бумаги среди ночи
Взорвал ту крошечную тьму,
В которой мне всё одиноче
В ветшающем отчем дому.
Как будто бы мама живая —
Не ветер страницы листнул.
И призрак махнул — и растаял,
Лишь молнией мне подмигнул.
Зарница за речкой мелькнула —
И страшный послышался гром,—
На спинке старинного стула
Одежды вдруг высветив ком.
И ливень обрушился в стёкла.
Настойчиво в дверь застучал.
И мокрые жалкие вёты
Глаз в угольной тьме различал.
Стекала по веткам водица,
Как будто и впрямь по плащу.
Всплывали любимые лица —
Чей в памяти след всё ищу.

* * *

Звякнет лодка заржавленной цепью.
И опять прибывает вода.
Скоро листья оплавленной медью
Поплывут по реке в никуда.
Этой старой «казанке» полвека.
Зажимают её катера.
У причала стоит, как калека.
А летала стрелой как вчера.
Слани сгнили.
Дюраль вся помята.
Помнишь, в устье её волокли? —
Зацветала по берегу мята.
Мы сорвали мотор на мели.
Намывной, прокалённый песочек,
Помнишь, руки сгребали мои?
И под писк комаров среди ночи
Всё мечтали о чистой любви.
Не сбылось.
Вот и я постарела.
Не увидеть ракушки на дне.
И, как камень,
Вся жизнь пролетела,
А круги растворились в волне.
Незаметно однажды отчалю,
Оттолкнувшись от обрыва ногой.
Звякнет цепь, сдавит горло печалью,
Что всё скроет туман над рекой.

* * *

Вдруг разлюбила этот мир,
Где ожиданье было чуда,
Где воздух был как эликсир.
Откуда эта вот остуда?
Всё тот же наш заросший сад.
Всё тот же дом с гнилым крылечком.
А жизнь вокруг пошла на лад,
И даже шире стала речка.
Здесь то же всё,
Но всё не так...
Особняки прижали дачи.
И у детей пиратский флаг
На вязе стареньком маячит.
Здесь катера теперь все в ряд. —
И свой у каждого причальчик.
Здесь о стихах не говорят.
И полысел соседский мальчик.
Гнездо осиное в стене,
И мыши шастают по дому.
И холодочек по спине,
Что всё здесь нынче по-другому.
Никто тебя не позовёт.
И грусть приходит нагло в гости.
А память спать мне не даёт
И забивает в сердце гвоздик.

* * *

Всё это только летний дождь.
Гроза июльская, шальная.
Так от чего по телу дрожь
И грусть как осень затяжная?
Ещё тепло.
И дождь пройдёт.
И горизонт уже светлее.
И солнце жёлтое, как мёд,
Подсветит заросли шалфея.
Три дня последних отпускных.
Дыши озоном.
Плавай щукой
Сквозь россыпь дождичков грибных,
Ведь неминуема разлука.
Но что-то в воздухе висит...
Грусть по перилам, будто кошка,
Пришла, мяуча от обид,
Что мокрая в саду дорожка.
И лапкой жалобно скребёт,
Когтями острыми стучится
И будто градинками бьёт
Настырно, слева, под ключицей,
Как будто папочка-рыбак
Вернулся с утренней рыбалки
И подаёт рукой мне знак,
Улов в руке качая жалкий.

* * *

Дни, как будто уж лета конец.
Обожгусь ключевой водою.
Ясный день, как во рту леденец,
Буду молча сосать под сосною.
Буду тихо грустить о любви
И о близких, ушедших в метели.
От осоки все пальцы в крови,
Только боль всё равно от потери.
Как же холоден этот июль!
По-сентябрьски глядит исподлобья.
И ночами на улице ноль,
И туман, словно снежные хлопья
В полутьме над извивом реки.
И от этого солнце ценнее.
И вплетаются в рожь васильки,
И от них небеса голубее.
Жизнь, как солнце, пошла на закат.
Ухнет в тучу иль сядет за лугом?
И уже не вернётся назад,
Как у радуги, путь полукругом.

* * *

Уже ржавеют тополя
И пахнет спиртом из-под вишни.
Хотя ещё тепла земля,
Себя почувствую здесь лишней. —
Как в сентябре, когда дожди,
Что ноготки, стучат в окошко
И говоришь в сердцах: «Не жди,
Что солнце высушит дорожку»;
Как лето было — и ушло,
И тело стало будто суше...
Как детство было — и прошло;
Как улетают птицы к стуже.
Вот так уйти средь трав тишком...
Никто не хватится знакомый...
Уплыть слетевшим вниз листком
По речке, жухлым, невесомым...
Лишь дождь начнёт долбить в висок,
Кого оплачет — не узнаем.
Идёт себе наискосок...
И жизнь прошла тихонько краем...

* * *

Глянь:
Поселились в доме муравьи.
Таскают брёвна.
Строят новый домик.
Они живые, дружные, свои.
Гнездо свивают на гнилом балконе.
И вылезают между половиц
За новым грузом в новый муравейник,
Уж полный мелких беленьких яиц,
На даче, где разбросан был репейник
По всем углам от наглости мышей.
Родные души — как и я, все с грузом,
И стружки от моих карандашей
Упрямо тащат, надрывая пузо.
Мне показалось:
Даже ожил дом,
Что рушится и ветхим стал, как сито.
А строили с таким же вот трудом,
Но лишь гнездо в нём мною всё не свито.
А дед ушёл,
Достроив всё, как мог.
А у меня совсем другие брёвна. —
Но не построить дом из тонких строк.
А дни бегут, мелькая спинкой чёрной.

Крылаты самки мелких муравьёв
От той любви,
Что продолжение рода.
А вереницы букв и караваны слов,
Как муравьи, снуют
И роют ход сквозь годы.

* * *

Вот и ветер свивается в плети,
Отступив, хлещет мне по лицу,
Разогретый в распаренном лете.
Только лето подходит к концу.
И в подкову вдруг губы сложились. —
Не на счастье. В преддверье разлук.
Вот и мухи всюю закружились
И сплетает им сети паук.
И полынная горечь утраты
Снова горло сжимает петлёй.
И грозы затяжные раскаты
Пахнут прелью, сырою землёй.
Ну и пусть, что червивая слива,
Мне бы жить здесь ещё, горевать.
Птицы к осени стали крикливы,
Полюбили по крыше скакать. —
И железо гремит среди ночи,
Будто кто-то здесь трубы кладёт.
И глядят в темноту мои очи.
Вдруг и вправду ко мне кто придёт?
И, очнувшись, опять вспоминаю
Всех родных, что ушли в никуда.
И иду, как лунатик, по краю.
И гудят на ветру провода.

* * *

Темнота не пугает теперь,
Как страшила в той юности робкой.
Приоткрою тяжёлую дверь —
И пойду еле видимой тропкой
Средь заплаканных чёрных кустов,
Что качаются, будто с поминок,
И стоят, окружая мой кров.
И скользит под ногами суглинок.
Я вдохну этот воздух сырой.
Погляжу в зонтик неба над садом —
Там не видно звезды ни одной.
Тускл фонарь перед дома фасадом.
Привыкаю к пропаже огней.
Вот и контуры чётче всё вижу.
Эта жизнь с каждым годом ценней,
И конец, скрытый в сумраке, ближе.

* * *

Ветер гнёт ковыли, лебеду.
Машет зонтиком стебель шалфея.
Лишь кувшинки спокойны в пруду
И стоят, наклониться не смея.
Вот и снова июль.
Важный шмель
Оседлал молодую ромашку.
Кружит голову мята и хмель.
И себя ощущаю букашкой,
Что взбирается вверх на тростник,
Меж землею и небом качаясь
И цепляясь за солнечный миг,
Будто с миром навеки прощаясь.

* * *

Звёзды смотрят в окно одиноко.
Разлила голубой свет луна.
Словно в небо уходит дорога,
Как лунатика тянет она.
Там все близкие.
В небе все корни —
Как кусты в отраженье воды.
День, как ночь,
Снова вспомнится чёрный
На плечах с коромыслом беды.
И плескалась беда, разливалась —
Напоив строк росток из горсти.
И душа в вёдрах тех отражалась,
И стихи, как грибы, в ночь росли.

* * *

Мята приникла к моей голове.
Тёплый песок протекает в ладонях.
Вот и пришли к той последней главе
Лета: за кромку ныряет и тонет,
Будто бы солнце в студёной реке.
Вот так и жизнь западает за тучу.
Линии жизни на влажной руке,
Будто бы прутики ивы плакучей,
Смело спешат по ладони за край
И обрываются где-то у края.
Грезится в розовом свете тот май,
Что поманил предвкушением рая.
Помнится тяжесть созревших плодов,
Что обломили согбенную ветку.
Сколько осталось листочков-годов,
Что на ветру ещё держатся крепко?

* * *

Задышат завтра утром холода
Туманом, словно снегом над рекою.
И загудят набатом провода.
Помашет лето сквозь туман рукою.
А я привыкла к этим спелым дням,
Надтреснувшим, как груша от удара,
И к мягким, из опок цветных камням,
И к чаю из большого самовара,
Что пахнет шишками сосновыми, смолой:
Кусочек жизни бабушки и деда...
И мысленно в саду они со мной,
Но не идёт уже почти беседа...
Давно молчат, набравши в рот воды.
Молчанье со смиреньем принимаю.
Не знаю даже,
Видят ль с высоты,
Как вижу я с обрыва рыбок стаю,
Как я сижу, печалюсь всё о том,
Что наша дача старенькая рухнет,
Когда и я
Всем помашу платком
И ночью свет в окне моём потухнет:
Из-за горы мерцает, как звезда,
А осенью пустые там глазницы...
...Меня вы вспоминайте иногда,
Как промельк в пальцах серебристой спицы.

* * *

Почти привыкла к тишине.
Так жизнь проходит в привыканье.
И в дней просыпанном пшене
Не отыскать алмазный камень.
Всё, всё уходит в никуда:
Любовь, и близкие, и годы.
Несёт прохладная вода
Лишь отраженье небосвода.
Я дотянусь до облаков:
Поймаю страуса за перья.
Сквозь пальцы выскользнет улов —
И обернётся вдруг метелью.
Да, всё обман.
Зеркальный свет.
Кусты растут верхушкой в воду.
И жизнь прошла.
И мамы нет.
И нет того из детства брода.
Как холоднá теперь вода!
Шагнёшь в неё —
И сердце схватит.
И лишь душа всё молода:
И в облака нырнёт из платья.

* * *

Расчистили заросший берег:
Шалфей, осоку, камыши.
И ощущаю я потерю
Мирка, где ни одной души...
Всё зарастало, зарастало,
Берёзы с клёнами сплелись...
Но вот их гибель и настала:
К реке ступеньки тянут вниз,
Бетонные, песок на пляже,
Понтон, народ и детвора...
Собаки, будто бы на страже,
Всё лают с самого утра.
А я грущу,
Хотя грустила,
Что зарастают берега,
Как будто старая могила,
Где сено не сметут в стога.
А я грущу,
Как потеряла
Родных и близких,
Отчий дом,
И средь деревьев два прогала,
Что раздвигала я веслом.
И я боюсь, что тишь обрыва
Сотрётся на песке, как след,
Где я была чуть-чуть счастливой
Среди цветов, что рвут в букет...

* * *

Привыкла жить в саду одна,
Заросшем клёнами и сливой,
Где тропка к свету не видна, —
И быть могу почти счастливой.
Проходит жизнь.
Уже прошла.
Махнула молодость ладошкой.
Осока с остриём ножа,
Где лунный свет ведёт дорожку.
Всё тот же свет,
Что год назад,
И два, и десять, и пятнадцать.
Всё тот же огненный закат:
Он греет больше, чем лет в двадцать.
Крапивы яростней ожог.
Репья колючки крепче липнут.
Вот хлопнет дверью ветерок —
И вздрогну, что сейчас окликнут.
...Но не слышны шаги в саду.
Лишь птицы всё по веткам скачут.
Я жизнь, как поле, перейду —
И крыша горестно заплачет.

* * *

День янтарный, как прóлитый мёд.
Как пчела, прилипаю я к свету.
И душа, как кузнечик, поёт,
Что увидел пожар бересклета.
Помахать обернулось тепло,
Что уже не ждала и смирилась,
Что холодное лето прошло,
Как подмокшая плитка, свалилось
На фасаде у дома в тени,
Где дух осени сырый витает
И чернеют промокшие пни,
Что в ночи светлячками мигают.
Знаю, знаю:
Тепло не всерьёз,
Эфемерно, как лёт стрекозиный.
Нежный запах доносит от роз,
Еле-еле в саду уловимый...

* * *

Я больше не боюсь
Звонящей тишины,
Поющей, как комар,
Облюбовавший плоть.
И кажется уже:
Мне люди не нужны.
А одиноко как —
То видит лишь господь...
Не встречен, не сбылось...
Прокручиваю сны.
И ёж, случайный гость,
Вдруг зашуршит из тьмы,
Затокает к крыльцу,
Как будто человек,
Чей путь пришёл к концу —
И надо на ночлег.
И сердце упадёт,
Как камешек с горы,
Что кто-то в дверь войдёт
Из сырости, из мглы...

* * *

Опять из-за Волги грозу принесло —
 И солнце глядит из хиджаба*.
 И я разлюбила своё ремесло.
 Как прыгнула на ногу скользкая жаба,
 Что пряталась где-то в цветущих кустах, —
 Так возраста холод коснулся внезапно.
 И в сердце вцепился клешней рачьей страх.
 И ноги, и руки — всё сделалось ватным.
 Лягушка назад отскочила сама,
 Оставив брезгливое чувство и жалость,
 Что жизнь нам даётся всего-то одна.
 ...И так ли уж долго гроза собиралась?

* Хиджа́б (араб. *حجاب* — букв. преграда, завеса) в исламе — любая одежда (от головы до ног), однако в западном мире под хиджабом понимают традиционный арабский женский головной платок.

* * *

Ведь лета ещё не конец?
 В нём сердце, как поезд, стучало...
 Медовый лижи леденец,
 Где лодки стоят у причала. —
 Качает слегка ветерком
 На привязи длинной у пирса.
 А я вспоминаю тайком
 О лете, где дождик всё лился.
 От капель дрожали листья.
 Надрывно кричала кукушка.
 И свитки сырой бересты
 Качались, как чайки, в кадлушке.
 И были все живы ещё.
 Ждала, что любовь постучится.
 И было лицу горячо
 От мысли, что что-то случится...
 Погладит травинкой печаль.
 Жжёт солнце расплавленной сталью.
 И близкие смотрят сквозь даль,
 Покрытую дымкой-вуалью.

* * *

К осокорю устало прислонюсь.
Нет, не обнять.
Не хватит трёх обхватов.
До гиблой высоты не доберусь,
Что манит,
Пух с небес гоня куда-то...
Осядет весь, намокнув под дождём,
Свалявшийся,
Как пакля, под забором.
Вот так и мы...
Всю жизнь полёта ждём,
Ползём наверх,
Всегда в крутую гору,
Холодный ливень выстудит весь пыл.
И съжгнутся мечты,
Став грязной ватой.
И время, превращая
Всё, всё в пыль,
Летит, как пух
По-прежнему кудлатый.

* * *

Лизнула речка робко ноги
Своим холодным языком,
Хоть в глубине таит пороги.
Рябит под свежим ветерком.
Рябит — и омут не замечен.
Такая тишь и благодать!
Хоть понимаешь: мир не вечен
И скоро ветру листья рвать,
Трепать рябиновые кисти,
Что загораются огнём.
И жизнь моя, как жёлтый листик,
Слетит в холодный водоём
И поплывёт туда,
Где омут,
Где ночь, тоннель, небесный свет,
Всё дальше от пустого дома —
И сил обратно выплыть нет.

* * *

Не краем задело.
И с гор потекло.
Как в плесени небо, темнело.
И мир стал сквозь капли,
Их нежит стекло.
И снова душа заболела.
В печали стою у дрожащей реки,
Что селя вбирает потоки,
И думаю,
Мы — будто те ручейки,
Бегущие с гор средь осоки,
Чтоб влиться в широкое горло реки —
И в ней до конца раствориться.
Вскипают и тают в реке пузырьки.
Стираются временем лица.

* * *

Куст плачет струями фонтана.
По листьям катится вода.
Дождь льёт, как будто из-под крана, —
Рыдают даже провода.
Вот и ещё сгорело лето,
Оставив в памяти закат
В цвет красных листьев бересклета
И плеч молочный шоколад.
Дрожь листьев мелкая, немая.
Льёт слёзы ветер на груди.
И жизнь короткая такая,
И холод, темень впереди.
Пускай льёт дождь,
Пусть мокрый ветер
Скользит ладонью по лицу.
Лишь бы остались мы на свете
И не катилась жизнь к концу.

* * *

С востока гроза приближалась.
Ветрище ознобно подул.
Травинка к травинке прижалась.
Деревьев сгибаемых гул,
Треск веток, обломленных ветром,
Да ропот страниц и листвы.
И молния чиркнула светом,
Двух радуг сжигая мосты. —
И сразу вокруг потемнело.
Край неба как траурный фон.
Покрылось мурашками тело.
Жизнь в серый окрасилась тон.
И ветер сухой и горячий,
Как будто нагретый песок,
Вдруг шляпку подкинул, как мячик,
Седой обнажая висок.
И воздуха всё не хватало,
И сердце рвалось из груди,
Костяшками пальцев стучало
От страха, что там впереди...
Весь воздух клокочущим вздохом
Гроза затанула в себя. —
И словно ударило током,
Что солнце взойдёт без тебя.

И запад хромым забулдыгой
Моргнул красным глазом мне вслед,
Подбитым, лиловым, двулико,
Последний впуская в жизнь свет.
Но чудо!
Гроза пролетела.
И сдвинуло солнце платок,
Дырявый, с бахромкою белой,
Похожий на старый венок.

* * *

Дымок от срубленных берёз
Окутал едкой гарью берег.
И в горле запершит от слёз,
Хоть всё спокойно, без истерик.
И пепел, будто снег, летит,
На все цветы ложится тихо,
Слетает на кусты ракит,
И поседела облепиха.
Всё зарастает: берега
И все зализанные раны.
Не мечут больше здесь стога,
Но пахнет травами дурманно.
Всё зарастёт, —
Но спилят в день,
Сожгут, построят знатный терем.
И пепел сядет на плетень.
И я вернусь к своим потерям.

* * *

Ещё один мой вечер на земле...
Нырять солнце в тучи одеяло.
И дятел в красной шапочке
В дупле
Стучит, как гвозди забивает вяло.
Тук-тук... —
И тихо...
Никого вокруг...
Ушли во тьму тяжёлыми шагами,
Оставив мне смятение и испуг,
На сердце — камень,
Да следы кругами,
Бегущие как будто по воде,
Застывшей в ожидании морозов.
Я продолжаю помнить о беде,
Хотя закат — и в тёмных линзах — розов...

* * *

И вдруг не хватило дыхания,
Чтоб против течения поплыть.
Волн злобных и мелких касанье
Свою не умерило прыть.
Ах, август...
Спас Яблочный...
Ветер
Анисом, грушовкой пропах.
Конец всё имеет на свете...
Вдруг сердце сожмётся в тисках,
Что лета зенит повторится,
Да только уже без тебя.
И клином потянутся птицы
Сквозь мелкую сетку дождя.
И с юга
Им всем ли вернуться?
...Всё больше уходит друзей...
Ах, вовремя б к ним обернуться!
И чувство вины всё острее.

ТУМАН

Как у подножия горы:
Хребет в снегу,
Не кромка рощи.
В иные будто бы миры
Я забрела, идя на ощупь.
В тумане спряталась река,
В сугробах затерялись травы.
Ручей оборван, как строка.
Нет ни мостков, ни переправы.
Один лишь снег —
И сплошь скала.
И я застыла изваяньем,
Как будто жизнь всю прожила
И улыбнулась на прощанье
С тем миром,
Где росли цветы
И по лугам носились пчёлы.
Край леса — как в снегу кресты.
И путь к ним скользкий, невесёлый.

* * *

Греются рыбки в прибрежной воде.
Стайки мальков средь камней висают.
Вспомню опять о пришедшей беде.
Мысли, как осы, сердечко кромсают. —
Схватят такой неподъёмный кусок
Пищи, что больше изящного тела.
И полетят, словно с ветки листок,
В вольном полёте,
Глядя омертвело.

* * *

Расколота земля
Под деревом у речки.
А на душе петля —
И тянет за уздечку
Там кто-то сверху, зная.
Опять иду к обрыву.
Тропу — как пальцев пять —
Я помню.
Здесь красиво
И чистая вода,
И рыбки средь кувшинок.
И это не беда,
Что падает ботинок
В расщелину бугра.
Лишь не сломать бы ноги!
Так смерть из-за угла
Ползёт к прямой дороге.
Сначала мелкий ров —
Перешагнёшь тихонько.
Но снегом на Покров
Позанесёт и кромку.

* * *

Пахнет плесенью старенький дом.
И ступеньки трещат под ногами.
Открываю окошки с трудом.
И не пахнет давно пирогами
В чудо-печке, что с вишней пекли,
На веранде рой пчёл собирая.
И родные все в землю легли,
Что холодная, с глиной, сырая.
Я ещё на крыльце посижу.
Вьётся речка фольгой под горою.
Я уже подхожу к рубежу,
Где родные все будут со мною.

* * *

И если я когда-нибудь уйду,
То здесь моя последняя дорога:
От лопухов в запущенном саду,
От комаров, что в этом лете много —
Звенят над ухом, ощущая кровь,
Что не застыла в трубочках сосудов.
...Я здесь когда-то верила в любовь,
Но отрезвил всевидящий рассудок
И, как кувшинку в речке, оторвал
И поместил в фарфоровую вазу. —
Такой любви предвидел он финал:
Головку свесит без течения сразу...
До певчих птиц дорога в высоту,
Что режут воздух ножницами крыльев,
До близких, перешедших ту черту,
Что снова перешагивать бессильны.
Любимые, побудьте без меня:
Ещё не срок,
Ещё за дымкой старость.
И, лопухи, все в ёжиках репья,
Держите за подол, чтоб здесь осталась...

* * *

От измороси листьев дрожь.
И ветерок бежит по коже.
И небо в тучках сизых сплошь.
Сырой песок — из босоножек.
Ещё не дождик обложной,
Но сердце грустью защемило,
Что дождь зарядит затяжной
Над лесом, полем, над могилой.
Родные, что погода вам:
Весна иль осень?
Что вам грозы? —
Средь тьмы идут по небесам
И зажигают кроны сосен.
Что дождь, вгоняющий в тоску?..
С листочка капля вниз сорвётся,
Скатившись в землю по виску,
И больше к листьям не вернётся.

* * *

Почти привыкла жить одна
В саду заросшем и колючем,
Где тропка к речке не видна
И будто лес кругом дремучий.
И скособочился весь дом.
Подмыло крепкую опору.
Одна за стареньким столом,
Что был двум дюжинам аж впору.
Как далеко тот тесный стол! —
Едим арбуз — и сок стекает. —
В нём весь цветастый мой подол,
И он во рту, как сахар, тает.
Не знает девочка пока
Ни слово «смерть»,
Ни вкус разлуки;
Что все уйдут за облака
С гримасой обнажённой муки.
Стройна берёза за окном,
Как куст обрезанной малины. —
Корнями дом сожмёт потом,
А крышу — больше половины —
Завалит ветками, листвою,
Из грунта в небо дом толкая.
Замрёшь — и скажешь ей: «Постой.
Мне рано. Дай вздохнуть у края».

* * *

Я стала уставать от тишины.
Она звенит комариком над ухом.
И даже мыши в стенах не слышны.
Я цепенею, как в предзимье муха.
Как будто жизнь и впрямь здесь замерла.
Соседский дом закрыт на все запоры.
Мне кажется, я тоже умерла,
Прошла по голубому коридору.
В нём яблони свивались, как вьюнок,
Переплетая сломанные ветки.
И потолок из веток невысок,
Как у плющом опутанной беседки.
А яблоки зелёные ещё
Напоминали гроздья винограда.
И так хотелось мне найти плечо,
Чтоб опереться в райских кущах сада.

* * *

Здесь бабочек невиданный разгул:
Вот адмирал, павлиний глаз и зорька...
И даже ночью под деревьев гул
Летят на свет
В распахнутые створки.
Нет, не ночные бабочки совсем:
Одна другой невиданней и краше.
Стал сад похож на сказочный Эдем.
Но для чего в окно стучатся наше?
В какую щель скользнули в темноте,
Чтоб обжигать свечой в плафоне крылья?
Сидят на стенах, на столе, везде...
И обсыпают всё чешуек пылью.
В пыльце моя горячая ладонь.
Их выпущу опять во мрак кромешный.
И сами так похожи на огонь,
На ночь с костром, где тлеют головешки.
Летите в сад, пусть ночь, но не конец.
Не все цветы свои сомкнули очи
Иль вянут, раскрывая свой венец.
И с талией часы ссыпают свой песочек.
Перевернуть — не в силах никому,
Ни маме с папой, ни моим соседям.
И смотришь в юность в розовом дыму,
Закидывая в память рваный бредень.
Окутывает всё дымок костра.
Глядишь на угли, раздувая пламя.
И боль в крыле становится остра,
И крылья тяжелеют, став как камень.

* * *

Смородина дотлела в паутине.
Крыжовник высох.
Клёны тут и там.
Весь сад увяз по щиколотку в глине.
И новый развести — не по годам.
Я тут жила, любимыми хранима.
Но друг за другом все ушли сквозь дым,
Исчезли, словно вишня и малина.
А я дышу всё воздухом лесным.
Здесь нынче нет ни яблочка, ни сливы,
Хоть пенилось всё белым в тёплый май,
И все деревья были так красивы,
И белый цвет струился через край.
Не завязались яблони плодами,
Но рвутся ветки рьяно в высоту.
И жизни смысл меняется с годами
И заполняет в сердце пустоту.

* * *

До свиданья, призрачное лето,
Промелькнуло, словно мышь в траве.
Было в нём совсем немного света,
Что, должно быть, нравилось сове.
День — как вечер, сумрачный, холодный,
И вбивает дождик в тёмный сад.
Целый месяц я была свободна.
Только раз застала звездопад.
Только раз звезда летела в руки,
Но сгорела где-то по пути.
И печаль от вечной той разлуки
Холодом свернулась на груди,
Как змея, пригелась в ночь сырую,
Языком раздвоенным лизнув.
Сколько лет держу её, рискуя,
Ведь ужалит насмерть, в ночь скользнув?

* * *

Бабье лето ещё впереди,
Серебрится в лучах паутина,
Что не сбили, лупцую, дожди.
Вся иссушена — в трещинах — глина.
Но уже леденеет к утру
Выдох озера, севший на травы.
Этот выдох с щеки не сотру...
Режет слух крик вороны картавый:
Оседлала слабеющий сук,
Что не выпустил листья по маю.
Сохнет тополь, таящий недуг,
Наклоняясь к земле, ближе к краю.
Сохнет тополь, ветвями сучит
И ломает усохшие пальцы.
И, качаясь, ворона кричит,
Что мы все в этом мире — страдальцы.

* * *

Качает ветер бурый лист,
Что время отдирать от веток.
А лист пустился в пьяный твист,
Хотя мозоли от балеток.
Сентябрь без запаха дождя,
Не золотой:
Как голубь, серый.
Одна по городу бродя,
Жалею:
Лето пролетело.
Да что там лето!
Жизнь прошла,
Как каблучками простучала,
Спеша к тому,
Кого нашла
И счастье сладко обещала,
Оставив шлейф духов своих,
Тот запах ландыша и мяты,
Нескладный юношеский стих
И горечь не одной утраты.

* * *

За бабьим летом
Грянут холода,
Заморосят по серым тротуарам.
И это же, конечно, не беда,
Что не хвалиться солнечным загаром,
Что дереву раздеться догола
И мелко задрожат на ветках капли,
Как будто желтоватая смола,
И заперты в подвале будут грабли. —
Не наступить на них уже зимой:
Любви — не время,
Птицы улетели...
Но до чего же зябко там одной
В сугробе белом скомканной постели.

* * *

Тревожно-багров этот вечер,
И солнце как спелый гранат.
И суженый так и не встречен,
Хоть жизнь повело на закат.
За облако скрылись родные.
Не прячутся тени во мгле.
И время, где все молодые,
Как птицы перо на земле.

* * *

Равнодушно лето отпылало.
Для всего отпущен в жизни срок.
Не на крыльях поздних чувств летала,
А плела из строчек я венки.
Но цветы засушенные были
И ломались, помню по сей час.
Вечер, задышавшийся от пыли,
Повторялся снова, и не раз.
Солнце высоко ещё стояло:
Будто бы полночная луна,
Что, как в полнолуние, сияла...
Не мешала дыма пелена
От лесов, горящих словно хворост,
Целый месяц, каждый день-деньской.
На пригорке умирала поросль,
А в венок вплетался сухостой.

* * *

Птицы скачут на ветке сухой.
Ищут корм или просто присели?
Я не буду уже молодой,
Но как прежде кручусь в карусели.
От мельканья картин замутит —
И зажмурюсь, как в детстве в ракете.
И сердечко опять защежит,
Что нет больше любимых на свете.
Я как птица скачу на ветле,
Что обломана снегом средь ночи,
И пытаюсь в трухлявом дупле
Отыскать прошлогодний листочек.

* * *

В подкову сложенные губы.
Её никак не разогнуть.
Хоть покажу в улыбке зубы,
Но юность больше не вернуть...
Как не вернуть
Людей, что сплыли,
Оставив в сердце лунный свет.
Их фотографии от пыли
Я протираю много лет.
Они на них — всё те же, те же...
Лишь я меняюсь, словно тень
От той листвы,
Что ветер свежий
Перебирает в ясный день.

* * *

В небо сосны верхушками рвутся,
Хвоей пышной качая слегка.
Мне до них не суметь дотянуться...
Сонным стадом плывут облака.
Дни проходят.
Настойчивый ветер
Гонит стадо на огненный шар.
Я б хотела уйти на рассвете,
Не в безумный закат, как пожар.
Не сейчас.
И не завтра.
Хоть годы
Облаками летят в никуда,
Пусть нелётная будет погода
Для души,
Чтоб уплыть навсегда.

* * *

Я буду смотреть с высоты,
Где души гуляют по саду,
Где голову кружат цветы,
Где снова родные все рядом.
Я буду смотреть и грустить
О том, что не сложится песня
И я не могу погостить
В любимом до дрожи том месте,
Где каждое лето жила
И остров вокруг оплывала,
Где дни все трудилась пчела
И мёдом ряд сот забивала,
Чтоб зиму прожить без забот,
Проспать в сладких грёзах метели,
Хоть мёд убывает из сот,
Но хватит его до капли,
До ландышей первых в лесу,
До душного ветра с черёмух,
Что держат цветы на весу
(И пчёлы, конечно, не промах!);
Я буду смотреть без словес,
Не трогая мир наш руками,
С холодных прозрачных небес,
Где чувства не станут стихами.

* * *

Возвратилась в жизнь,
Где красок рой
Собирает мёд янтарный в соты,
Где беда осталась за горой —
Сине море, словно Леты воды,
Равнодушно катит гребни волн,
Обкатавши гальку друг о дружку.
Тут, как будто пионерский горн,
Катерок трубит,
Что всё игрушка,
Сказка, чудо —
И сойдёт на нет,
Словно выдох на стекле холодном,
Точно фейерверка праздный свет,
Как влюблённость в сердце несвободном.
Возвратилась в бархатный сезон
Жизнь спустя,
Старая от утраты.
И зелёный в октябре газон
В жизни чёрно-белой — как заплата.

* * *

Словно тучка, слеза набежала.
Звёзд морских тает робкая тень.
Камень тёплый в ладошке зажала,
Что впитал в себя солнечный день.
Равнодушно октябрьское море
Катит волны одну за другой.
Так нежданно нахлынуло горе —
И накрыло волною покой...
А потом откатило цунами,
Обнажая дно, в рытвинах сплошь,
Где блестели чужими дарами
То ль янтарь,
То ли брошенный грош —
Чтоб вернуться, где моря раскаты,
Жизнь спустя,
Постарев от потерь,
И искать на пожаре заката
В свою юность забитую дверь.

* * *

Золотая дорога до гор,
Что укрылась вуалью от сглаза.
И травинки прибило, как сор,
Заигралась волна до экстаза.
Словно в сказке по морю плыву,
Сладко жмурясь от яркого света.
Это всё хоть на миг наяву...
И забыть про дождливое лето!

* * *

Сентябрь скользнул губами по щеке
И заглянул в глаза бездонной синью,
Но груз потерь таится в рюкзаке.
Я погружаюсь ниже ватерлиний
В себя,
Рискуя скрыться в глубине,
Лишь пузыри на ряби вод оставить.
И нить меж нами —
Словно макраме:
Все узелки тревожат нашу память.
Его вязали долго и с трудом,
И год за годом мимо просвистели,
А у других давно разрушен дом
И хлопают разошедшиеся двери.
Такой сентябрь!
Ласкается котом,
Мурлычет, трётся о нагие ноги.
И жизнь опять — большой аэродром,
И все открыты новые дороги.
Купив билет —
Конечно же, на юг,
В тепло,
Где пальмы,
Бриз
И плеск прибоя, —
На душу нацепить надутый круг,
Смотреть, как чешуёй играет море

И как ежи сидят большой семьёй;
На горы, будто пёстрые овечки:
Так камни перемешаны с землёй,
Что скалы —
Как в крупе калёной гречки.
...Рванув в тепло,
Всё помнить о снегах —
В них скоро неизбежно возвратиться.
Искать их хлад в случайных облаках.
Печалиться,
Что дней мелькают спицы.

* * *

Шумит прибой,
Как жизнь тому назад,
Когда была юна и с верой в чудо,
И был в душе такой волшебный лад,
Что приходила радость ниоткуда.
Там жизнь казалась вечной, как закат,
Что повторится завтра неизбежно.
Там розовый созревший виноград
Мне губы зацеловывал так нежно.
Я снова возвратилась в этот мир.
Хоть ненадолго, но забыла горе.
И лечит бриз морской, как эликсир.
И чувствую, как крепко держит море,
Как бережно ласкает плоть мою
И шепчет в ухо на чужом наречье.
И вся, как обожжённая, горю.
И кажется: любимый дышит в плечи.
И я опять —
Как на развилке троп.
Всё
Как тогда, как в давнем том июле.
И вечером замучает озноб
И сны, что цвет свой сакуры вернули.

* * *

В объятьях моря,
Жизнь спустя,
Я доплыла сюда от края.
И, в сказке призрачной гостя,
Уплывших близких вспоминаю.
Спокойно солнце бьёт в глаза —
И скалы мёртвые двоятся.
А ветер хлещет в паруса,
Что никогда не накрелятся.
Не лги себе:
Их спустят все.
И птицы складывают крылья.
И в золотистой полосе
Пари облитой солнцем пылью,
Плыви скорей,
Пока закат
Луч не окрасит кровью тёплой,
Где время кончится утрат
И птицы бьются грудью в стёкла.

* * *

Опять бегу от снега, что занёс
Асфальт и твёрдость почвы под ногами,
От снега,
Что глаза слепит до слёз.
Вновь горечь накатила, как цунами.
...Тот снег летел природе вопреки,
Ведь календарь раскрыл страницы марта.
Там от укулов синие круги
Напоминали контурную карту,
Где проявлялось больше разных стран,
Но край земли был ближе с каждым часом:
И это всё? И дальше океан,
И в нём поплыть... не кролем и не брассом...
...Бегу на край, где круглый год весна.
Я океан попробую рукою,
Где сёрфингист с утра и допоздна
Взбирается на гребень в рёв прибоя.

* * *

Лоб горячий охладит вода.
О родных ушедших затоскую,
Что ушли сквозь ветер навсегда.
На песочке домик нарисую.
Два окна, над крышею дымок,
Что уходит в небо по спирали.
Воздуха солёного глоток
В передышке от постылых ралли.
Воздуха солёного глоток.
Как ладони милого,
Луч солнца.
Разгоняет слабый кровоток
В мир чужой открытое оконце,
В мир чужой,
Где круглый год тепло,
Где волна катается по пирсу,
Будто зверь, ступивший на стекло.
Этот мир — как будто мне приснился.
Будто юность
Кошкою у ног
Так блаженно трётся и мурлычет...
Я гляжу на розовый восток.
Чайка деток над водою кличет.

* * *

Скрыты горы в дымке голубой,
Очертанья еле уловимы.
Как волна, плеснул в лицо покой.
Проживу одна, без половины.
В небе золотистый парашют,
Словно солнце рядом проплывает.
И полёта несколько минут
Человек полжизни вспоминает.
Он парит, как чайка над волной.
Катерок летит неподалёку.
И внизу катается прибой.
И на осень нету и намёка.
Созревает сладкий виноград.
И инжир во рту, как сахар, тает.
Рябь по морю в тысячу карат
Гранями и рёбрами играет.
Белой солью осветлен висок.
Пью горстями свежий воздух бриза,
Позабыв про низкий потолок,
Что в каюте тесной для круиза.

* * *

На море сильный шторм.
Плюются пеной волны.
Выбрасывает сор —
Им пляж до пирса полон.
Нависли облака,
Как отражение пены.
Срывается строка
О слишком откровенном.
И тёмное стекло
Всё в капельках, сырое.
Весь мир заволокло
И облака в три слоя. —
То водная пыльца
На линзах оседает
И все черты лица,
Как акварель, смывает.
...Тревога, словно кот,
Подкралась незаметно,
Что жизнь полна забот
И оттого бесцветна.
Вкус соли на губах.
И в волосах песочек.
И налетает страх,
Что не случится строчек;
Что так за годом год,
Как гребень волн за гребнем.
Дней равнодушный ход —
И выбросило щебнем.

* * *

Окунулась в чужое тепло.
Сердце колет,
Как руки с мороза.
В закопчённое даже стекло
Мир увижу, как сакура, розов.
...Чайки белые,
Будто листки
Долетевших из юности писем.
Чайки белые, будто виски,
Где уже от любви не зависим,
Где свободен,
Как белый листок,
Улетевший с балкона,
Как галка.
Но гляжу я опять на восток
И прошедших любовей не жалко.
Берег в розовой дымке стоит.
Холодеет не к ночи —
Под утро.
И хоть сердце
Как прежде болит,
Но в ракушке — налёт перламутра.

* * *

Чужое солнце греет, как огонь.
Горячий воздух гонит ветер с юга.
И на лице как будто бы ладонь
Любимого...
Как жаркий шёпот друга,
Накаты волн,
Что золотой песок
Перемывают, баламутя воду.
И строчки про любовь наискосок
Тетрадки,
Где, как в море, нету брода...
Чем дальше в море,
Тем всё глубже дно...
Вытягивают волны на поверхность...
Но быть нам вместе вряд ли суждено,
Хоть брызги моря нарушают резкость —
И кажется, что можно совместить
То, что двоится радужным разводом.
Как ласточке гнездо в скале не свить,
А лишь парить под синим небосводом.
Забывать про годы,
Что ушли в песок,
Пересыпать песчинки, как минуты,
И чувствовать, что почва из-под ног
Уходит от сердечной этой смуты.
Как в юности всё, будто в первый раз.
Хоть ненадолго, но вернулось лето.
И яхту тащит старенький баркас,
Уставшую от взбалмошного ветра.

* * *

Кто-то снова парит на крыле
Над волнами с кипящею пеной.
Мы глядим на него, на земле,
Осторожны, пугливы, степенны.
В воду шаг —
И сбивает волной,
Накрывает с шальной головою
Этот бешеный, пьяный прибой,
Где волна за волною стеною.
...Как хотела б парить в облаках
И не чувствовать странного страха,
Что полощется жизнь
В неумелых руках —
Вдруг сорвёт, как с верёвки рубаху...

* * *

Снова двое над морем парят
На оранжевом шаре безвольно.
Волны будто бы стадо ягнят.
Отчего мне по-прежнему больно,
Отчего я грущу о любви
И о том,
Что ушло безвозвратно?
Строят храмы всю жизнь на крови,
Не отмыв на земле её пятна.
Строят храмы —
И слушают звон
От органа,
Что в счастье рыдает
В Рождество,
Нарушая весь сон. —
И, как шар,
Этот плач ускользает.
Он летит над землёй в небеса,
Где позволили строить на бойне.
...Двое в небе парят полчаса,
Чтоб вернуться в мирок беспокойный.

* * *

Парит над морем человек
На парашюте в форме мака.
Смотрю на волны из-под век —
И сердце жмурится от страха.
А человек себе парит
На тросе тоненьком за лодкой.
И время, скучный сделав вид,
Уходит плавною походкой.
Опустят с лодки парашют:
Полёт окончен, время вышло;
Паренье в коконе из пут,
И криков с берега не слышно.

* * *

Вдали от дома и любви
Брожу,
Как чайка,
Кромкой моря.
Я вспомню:
Пели соловьи,
Усевшись на гнилом заборе.
Так разливались,
Что хоть плачь...
Так сердце горестно щемило,
Хотя была пора удач
И далеко ещё могилы,
Что надо было сохранять,
Пока жива,
Ведь память — омут...
И жизнь по голосам сверять,
Что, как лучи, в воде не тонут:
Скользят по вспученной воде, —
До слёз слепящий всполох света,
Что в детстве был со мной везде,
Продляя северное лето.

* * *

Дорвалась до позднего тепла,
Зная, что вернусь, нахмуясь, в зиму.
Будто на краю и не была,
Будто жизнь текла спокойно мимо.
Скрыты горы в дымке голубой,
Словно туча — на краю у моря.
И такой стоит в душе покой,
Хоть и знаю:
В зиму вступишь вскоре.
Грусть-печаль, как дымка на краю,
Зависает синеватым дымом.
Как от ласк любимого горю,
Солнцем обжигаясь нестерпимо.
Лоб горячий море охладит.
О родных ушедших затоскую.
Парашют за катером парит.
Так и я идиллию рисую.
Человечек в небе над волной,
Как Пегас, летит ветрам навстречу.
Горизонт, укрытый пеленой,
За которым никого не встречу.

* * *

Тучи собираются над морем.
Копится, как влага в тучах, грусть.
Волны разрезаю ловким кролем
И парить за катером не рвусь,
Что опять тягает парашюты,
Где парят над морем в вышине.
Катятся, как гребни волн, минуты.
И шлифуют камушки на дне.

* * *

Над морем тучи с рваными краями
Летят на запад,
Там, где гор хребет.
И, будто пух парит под тополями,
От лайнера под ними рваный след
И облака,
Что лёгкие, как дымка, —
Их гонит ветер,
Слепо, наугад...
Размытая и стёртая картинка,
Когда в душе царил такой разлад,
Что ничего не видела поодаль:
Ни как волна лизала старый мыс,
Ни как встречали любопытным взглядом,
Ни как махал ветвями кипарис.
Сырой песок пересыпали пальцы:
Он клеился и струйкой не бежал.
Как будто впрямь мы здесь не постояльцы
И через день никто не уезжал...
Как будто впереди ещё полжизни,
Ещё протянут аленький цветок.
Казалось, что погоды нет капризней.
И волны баламутили песок.
Как будто всё надолго, безнадёжно;
Не ждёт зима, закутавшись в халат,
Примчавшаяся в белом неотложка,
Когда уже совсем не говорят.

* * *

И каждый день последний,
Как глоток
Морского бриза,
Неги в ласках моря.
Я обожглась о солнца кипятков,
Но не забыть,
Как в снег стучалось горе.
Все близкие ушли в дожди и снег —
Упало сердце мёрзлым комом грунта.
Текла вода морская из-под век,
Но не было дыхания для бунта.
Ведь смерть, увы, уже не отменить.
И юность опадёт вишнёвым цветом.
И тянется из рук за змеем нить,
Но он парит, не думая об этом.
И люди пролетают над водой —
Под куполом распятые букашки.
И дует ветер, как перед бедой.
Блеск моря — как разбитые стекляшки.
Лучи дробятся в мелкой ряби волн —
И слепнешь,
Нить утрачивая с лодкой.
Предчувствием разлуки вечной полн,
Паришь над морем спущенной лебёдкой.

* * *

Сказочный город у моря.
Белый, как манка, песок.
В пятнышках, будто от кори,
Руки — медузы ожог.
Ветер солёный и тёплый,
Словно пропитан слезой.
Капли на дымчатых стёклах,
Будто бы дождь по косой.
Скоро в постылую осень.
Дождь будет в окна стучать.
И на работу там в восемь.
В лицах печали печать.
В возрасте каждом есть прелесть...
Миг научилась ценить.
Будто бы рыба на нерест,
Что запрещают ловить,
Тянутся прошлого снимки.
Молодость, ты ли была?
Выловит память икринки,
Прежде, чем скроет всё мгла.

* * *

Каталось море по песку,
Лизало берег,
Как собака,
Вгоняя в осень и тоску.
И жизнь была опять без лака.
Штормило всё-таки слегка.
Вода ещё ласкала тело,
И за строкою шла строка,
Как за волной волна летела.
И пена — белая слюна —
На камни брызгала беззлобно.
И я была опять одна
На берегу,
Совсем свободна.
Никто не ждал.
На гребнях волн
Качалась чайкой белокрылой,
Боясь, что вынесет на мол,
Где камни ластятся остыло.

* * *

Чужие птицы в вышине,
Что не стремятся никогда на север.
И пляж чужой,
Где люди в тишине —
И ветер распушил страницы книг их в веер.
Читают что-то.
Мало говорят.
Так не похожи на болтливых наших.
И я ловлю их любопытный взгляд
И становлюсь хоть чуточку, но краше.
Другая жизнь,
Где больше не бегут.
А тянут сквозь соломинку коктейли.
И облака оторванный лоскут
Украшен в страусиные здесь перья.
И солнце где-то там,
Уже не жжёт.
И я учусь тут жить неторопливо.
Бросаю в сок прозрачный сладкий лёд.
Лечу ушибы им нетерпеливо.
Но всё болит и сердце, и душа,
Что скоро всё окончится внезапно.
И миг на острие карандаша
Лишь задержу,
Где всё казалось складно.

* * *

Скрылось солнце,
И ветер подул,
Сильный, с севера,
Море качая.
Будто леса осеннего гул,
Море штормом
Нас лёгким встречает.
Что ж... не бархатный нынче сезон.
И в душе нету места для штиля.
Кружит голову свежий озон.
Мачт вдали ошестинились шпили.
На носочках подкралась печаль
И закрыла ладошками очи,
Чтоб не видела серую даль,
А припомнились звёздные ночи,
Где сидели в саду на крыльце,
Опьянённые лунным разливом, —
И закралась тоска о конце,
С соловьиным сплетясь переливом.

* * *

Грущу у моря,
Как тогда,
Когда ждала свой алый парус,
Была наивна, молода,
И смерть в окошко не стучалась.
Ещё волшебных два денька —
И возвращусь в сырую осень,
Где слишком низко облака
Над головой моей проносит;
Где дождик пашет по косой,
Где прошлого сгустились тени.
По кромке берега босой,
Где волны бьются о колени,
Бреду,
Как много лет назад,
И снова верю в чудо счастья,
И все шаги там наугад
Выводят всё же из ненастья
Туда,
Где новая любовь
Длиною в жизнь...
Ведь жизнь короче.
И медленней играет кровь.
И год от года одиноче.

Ушли все близкие за край.
Мне машут из-под снежной шали,
Как в выпускной волшебный май,
Где вишни цветом закидали. —
И кажется, на гребне волн
Те лепестки колышет ветер.
И разбиваются о мол
Иллюзии о бабьем лете.

* * *

Ну вот и шторм.
И спала враз жара.
И раскачало море не на шутку.
И сразу загрустила,
Хоть вчера
Я радовалась облачной минутке.
Вот так и жизнь...
Враз всё перевернёт.
И чёрное окрасится вдруг белым.
Как выпал снег —
И сразу гололёд.
И, как с насеста кура, полетела...

* * *

Вечнозелёная трава
Под пальмой, что сосны стройнее...
От эйфории голова
Ветра сквозь сито будто сеет,
Сквозь пальцы — золотой песок...
Текут, текут минуты счастья...
И жизни сказочный кусок
Пройду без твоего участия,
Ведь ты остался, где земля
Разбухла от осенней хляби,
Где дождь, опилками пыля,
Круги листает в мелкой ряби
Постылых луж...
Где ждёшь Покров...
И думаешь, что жизнь — как нитка:
Порвать — то пара пустяков,
Хотя из золотого слитка...

* * *

Горный воздух,
Холодный, как лёд,
Чист, как будто родник в перелеске,
Что средь мхов безмятежно течёт.
...Словно рыбке, повисшей на леске
Между небом и тёмной водой,
Что не знает, как в омут сорваться,
Так и мне захотелось домой.
И не жалко уже расставаться
С этим морем,
Что снова штормит,
Брызжет пеной, как будто слюною.
Без отдышки здесь время летит,
Не спешит повернуться спиною.
Скоро выплюнет в зиму опять,
Где жалеть о недавних потерях
И прокручивать плёнку ту вспять,
Где волна за волною летели. —
Так вся жизнь пролетит без следа,
Будто крепость падёт на песочке,
Что ласкает шальная вода,
Хоть и кланчишь у неба отсрочки.

В ПУСТЫНЕ

Море песка...
И барханы...
Полная в небе луна.
Будто бы в сказке...
Так странно...
Дюн золотая стена.
Соль —
То ли снег средь пустыни,
То ли блеснула вода.
Звёзды в безоблачной сини
Словно кристаллики льда.
Тонкая пыли позёмка
Вьётся,
Как змейка, у ног.
Хочется крикнуть —
И громко —
В горле песчаный комок.
Сердце сожмёт от восторга,
Что жизнь сюрпризов полна.
Соли шершавая корка —
Будто снег выплыл из сна,
Мартовский, белый, блестящий,
Что днём луч солнца лизал:
Мама казалась там спящей...
Двор у больницы — не зал...
Снег тот последний, случайный...
Дюны песка впереди...
И караван тот печальный
Всё продолжает идти...

* * *

Остригли пальмы.
Скоро холода.
И тень от них становится прозрачней.
Отсюда уезжаю навсегда
В мой город,
Нынче сумрачный и мрачный.
Идут дожди,
Кончается сентябрь.
А бабье лето было молодое.
На горизонте — беленький корабль.
А парусник помашет мне рукою.
Ужасно жаль опять вступать в дожди,
Где суета течёт в метро толпою.
Здесь пальмы — как индийские вожди,
Что подпирают небо голубое.
А дома
Небо словно молоко,
Синюшнее, без капельки жиринки.
Мне день последний дышится легко.
И воздух пью, как будто бы из кринки
Квасок прохладный,
Освежая рот. —
То ветер с моря дует напоследок,
Со лба стирает соль и липкий пот.
И монотонно катят волн беседы.

Мне завтра в осень с болью улетать
И сожалеть, что близкие не встретят:
Под листьями их волглая кровать,
Ни за кого я нынче не в ответе,
Свободна, словно пенная волна,
Как пальмы лист,
Что срезали под зиму.
И волн всё выше в памяти стена.
А гребень волн — как танец лебединый.

* * *

Монетку брошу средь камней,
Чтоб возвратиться через годы
В край кипарисовых аллей,
Пахучих туй, сомкнувших своды.
Водой укатанный песок —
Слепое отражение ряби.
Волна идёт наискосок,
Как строчки в порванной тетради.
Уже не здесь.
Уже тоска
Сжимает судорогой горло.
И знаешь, что зима близка:
Там ночью сердце сверлят свёрла.
За дымкой прячется закат,
Как взгляд
За газовой вуалью,
Когда в душе пустеет сад
И ёжишься под тонкой шалью.

* * *

Вот и последний на море денёк,
Северный, бархатный,
С ветром беззлобным.
Ластятся волны,
Как кошка у ног.
Ропот волны,
Заунывный, утробный.
Тучи каскадом несёт из-за гор...
Небо темнеет и спеет, как слива.
Взгляд твой,
Меня расстрелявший в упор,
Встретила белой вороной пугливо,
Что среди чаек по кромке воды
Пенной ходила,
Пытаясь с ней слиться.
Чаек раскрытые жадные рты.
Дни, что блеснули,
Мелькнув, словно спицы.
Вот и конец.
Завтра снова отлёт.
Вынесет снова ль янтарный подарок?
Жизнь, словно солнце за море, идёт,
Тает, как свечки дрожащий огарок.

* * *

Последний день,
Лицо ласкает бриз
И солнце раскалилось не на шутку.
Закончился недолгий мой круиз.
И море распустилось незабудкой.
И грусть опять — как всё в последний раз.
Швырнёт пригоршни листьев жёлтых осень.
И всё пойдёт, как прежде, без прикрас.
И на работу снова ровно в восемь.
И посидоний* шарики плывут,
Похожие на маленькое чудо.
И горло перекручивает жгут,
Что уезжаю навсегда отсюда.
Чужие горы.
Пальмы все в цвету,
Что наши листья жёлтые напомнят.
Я чую осень нашу за версту:
На скалах вижу рыжей глины комья.
Я вспомню стук её —
Замёрзший, неживой... —
И об ушедших близких затоскую.
И захочу, как в юности, домой.
И на песочке домик нарисую.

* *Посидония* (лат. *Posidonia*) — род морских травянистых растений (так называемых «морских трав»), единственный род семейства *Посидониевые* (*Posidoniaceae*).

Нет, не рукой, а тросточкой зонта —
От солнца слишком жаркого защита.
И блекнет стран заморских красота.
И ничего у моря не забыто...

* * *

Плутали в фантазиях, в мире химер,
Боялись друг в друге лицо обнаружить.
И, кажется, славили хилый барьер,
Который воздвигли невзрослые души.

За маски попрятались: всё хорошо.
Сужается жизнь — ах, подобье воронки!
Всё уже и уже... Да так и пошлбó:
Всё уже и уже... И осыпь по кромке.

Одно остаётся: из лета уйти.
Тревожный напев колокольного гула —
Предвестник того, что размыты пути
И северным ветром со снегом подуло.

* * *

Нелётная погода для зимы.
Остатки снега на земле, как вата.
И брызги от машин, как от кормы,
И все спешат сквозь пелену куда-то.
Опять туман над городом повис.
В него стыдливо прячутся деревья.
Пейзажа незаконченный эскиз,
Когда ушло, ослепнув, вдохновенье.
Ушло в туман и в сизоватый дым,
Что ластится к земле холодной змейкой.
Но всё тепло двум старичкам седым,
Что с шахматами сели на скамейке.
Им всё весна,
Погода по душе,
Лишь только б на просторном этом свете.
Но тают дни,
Как сладкое драже.
И лишь за внуков нынче и в ответе.
Они сидят беспечно на ветру.
Им некуда бежать:
Там дальше холод.
И думают: «Уж скоро я умру,
А всё в душе неисправимо молод».

* * *

Пригорки в преддверье снегов
Застыли в тревоге предчувствий.
Снег падал уже на Покров,
И лёд за день встал даже в устье.
А после растаял как дым,
Когда ветер с юга вернулся
К деревьям обмёрзшим седым.
И шмель после снега очнулся,
Но только ещё не весна:
Желтеют цветы, как мочало.
Ещё он не понял со сна,
Что это зимы лишь начало.
Летает по жухлым лугам
И ищет свою незабудку,
И кружит как чокнутый там,
Где зябко уже не шутку.
Вот так же очнулись и мы
В преддверие дальней дороги
Туда,
Где с крестами холмы
Окажутся домом в итоге.

* * *

В предчувствии снега застыл
Вновь город... и света паренья.
Повыпали перья из крыл,
И тихо ушло вдохновенье,
Как будто бы воздух из шин.
Обочина — леса опушка,
Где так далеко до вершин.
Дождём захлебнулась кукушка,
Что целое лето врала
И людям наивным гадала.
Всё, больше птенцов не ждала:
Со стаяй на юг улетала.
И кто же вернётся назад
В гнездо,
Что ветрам всем открыто,
Где в облаке скрылся закат
И листьями плачет ракета?

* * *

Всё меньше света в заполошных днях:
То дождь, то снег,
То снег смывает снова.
И солнце не бывает уж в гостях.
И месяца не светится подкова.
Так небо низко, что не видно птиц...
Все воробьи сидят на тротуарах.
И я бреду средь полустёртых лиц,
И кажется, совсем немного старых.
Смотрю в туман,
Как в зеркало души.
Все очертанья —
В ряби акварели.
И не нужны совсем карандаши,
Что по линейке ловко пролетели.
Пусть всё так...
Размыто, наугад,
Наощупь, в полусне за миражами.
Я так боюсь увидеть дней закат,
Где воздух взрезан дерзкими стрижами.

* * *

Этот воздух небрит и колюч.
И впиваются в сердце иголки,
Хоть и солнце пришло из-за туч.
По сугробам натыканы ёлки,
Что осыпали хвою в дому:
Грелись, сохли в цветном освещенье.
Как неспелую взяв в рот хурму,
Проглотила скорей угощенье —
И застыла от боли в груди:
Ни шагнуть, ни вздохнуть,
Ни заплакать.
Хоть и знаю: весна впереди
И капли елеем закапать.

* * *

И ноги ватные от бега,
И путь растянется в кольцо.
Декабрь плеснул пригоршню снега
В разгорячённое лицо.
Но всё вернулось:
Город пыльный,
Что снега ждёт —
Уж не тепла,
Чтоб выпал мягкий и обильный,
И посветлела б ночью мгла;
Стучит дверями, как зубами;
Дрожит ветвями на ветру;
Подъездов серыми губами
Вздыхает грустно поутру.
И я опять брожу по краю,
Стою на краешке зимы.
За руки тёплые хватаю
Любимых, что пришли из тьмы.
Ловлю,
Но тени отступают
И жалко жмутся по углам,
Как первый снег, в паренье тают,
Не приникая лбом к рукам.

* * *

Всё раньше темнеет...
И солнца ни капли
Не брызнет,
Прорвавшись
Сквозь занавес туч.
И наши беседы под зиму иссякли.
Конвертик души запечатал сургуч.
Мы вымолвить больше
Не сможем ни слова
О том, что болит
И тревожит весь день.
Мы будто чужие
И смотрим сурово.
И лихо сдвигаем берет набекрень.
И смотрим сквозь чёлку
На позднюю осень,
Как голые ветки дрожат на ветру.
Печаль о несбывшемся
Бережно носим,
В маршрутке на службу спеша поутру.
Сквозь сумрак мелькает за окнами город
И в пробке застынет на миг за стеклом.
И душит опять не расстёгнутый ворот,
И, как на морозе, пальтишко колом.

И так одиноко,
Хоть рядом другие
Поддержат плечом хоть на десять минут.
За окнами липы застыли нагие,
Что в кроне укрыться гнезду не дадут.
Ты всё же с людьми.
И выходишь со всеми,
И, будто малёк, в стайке шустрой плывёшь,
Когда ледостава приблизилось время.
Но знаешь:
Под лёд неизбежно уйдёшь.

* * *

Замерзают слова на ветру,
Превращаются в звонкие льдинки.
Дни летят, как монетки, в дыру,
Как в часах вниз стекают песчинки.
Истекут —
Значит, время пришло
Уходить вдаль по свежему снегу,
Что скрипит, как под губкой стекло,
Или прыгнуть с обрыва с разбега
И лететь, не раскрыв парашют,
Обмирая от чувства полёта.
...Как бельё, крутит время нас в жгут,
Но всё манят, как птицу, высоты...
И простынки как птицы парят
На верёвке на старом балконе,
Об расцветшие стёкла звенят —
И печаль душ родных в этом звоне.

* * *

И букв паренье по листку —
Как птиц, вернувшихся из далей.
Следы по серому песку
Травой сухой не зарастали
На жёлтых письмах старых лет.
Всё то же майское цветенье.
Держу засушенный букет —
И сердце замерло в смятенье.
И поломать уже боюсь
Тот сухоцвет в налёте пыли.
И для чего-то обернусь
К тем дням,
Что стайкой туч уплыли...

* * *

А снег спешит догнать морозы,
Летит весь день, парит всю ночь.
А на комодѣ мѣрзнут розы.
Ничем им не могу помочь.
Водою тёплой из-под крана
Пытаюсь хоть чуть-чуть согреть.
Но всё равно, поникнув, вянут.
И суждено им облететь.
Вот так и я...
Чуть отогрелась
В твоих струящихся руках
И, как пепин в тепле, зарделась.
А сердце сковывает страх,
Что всё проходит в этом мире,
И снег когда-то был водой.
И тишина звенит в квартире,
Но голос уж не молодой:
Он пропитался антимолью
И цедрой, брошенной в шкафу.
Я примирилась с этой болью.
Как роза в ванне, оживу
В твоих объятьях ненадолго,
Чтоб потерять все лепестки.
И сердце боль прошьѣт иголкой,
Что снег ложится на виски.

* * *

Январь всерьёз заплакал поутру.
Стирает грим с деревьев ветер с юга.
И я слезинку шалую сотру,
Что не любить нам, видимо, друг друга.
Сошлись орбиты одиночеств двух —
И каждый дальше движется устало:
Несёт нас,
Будто майский ветер пух.
И снежный ком я в горле вновь скатала.
Не выкрикну,
Тебя не позову...
И колет сердце иглами мороза,
Хоть по ручьям корабликом плыву,
Приняв непотопляемую позу.
Я знаю:
Скоро встанет снова лёд,
И до весны — совсем ещё не скоро.
А жизнь под горку днём за днём идёт,
И на дороге скользкой нет затора.

ИСКУССТВЕННАЯ ЕЛЬ

Так холодно в доме опять.
Расписаны инеем окна.
Хоть близких устала терять,
Не выцвела жизнь, не поблёкла.
В ней стало всё просто острее,
И боль от разлуки острее...
И дни замелькали скорей,
Как будто за окнами ели —
А поезд стрелою летит:
Мешаешь свой сахар в стакане —
И ложка, как ключик, звенит.
И к сердцу сдвигается камень.
И в молодость дверь не открыть.
И ёлка вся в блёстках не пахнет
(Как запах хвоинок забыть?),
Зато никогда не зачахнет,
А будет стоять до весны,
Гирляндой диодов мигая.
И шишки на ней от сосны.
...А жизнь приближается к краю.

* * *

Слезятся яркие огни,
Мигают, словно светофоры.
И так ждала я эти дни,
Когда ход времени нескорый.
Плывут по лужам светлячки,
Мигают в окнах у высоток.
И сквозь зелёные очки
Смотрю на окна, словно соты:
Те налились медком любви,
А те — как чёрные глазницы.
Мелькают огоньки, что дни,
Как в колесе у белки спицы...
Себя обманем
Хоть раз в год,
Желанье тайно загадаем:
«Чтобы достичь всех-всех высот,
Чтоб не исчезнуть там, за краем,
Где кинут лапы елей вслед,
Где станем, наконец, свободней... —
Туда в один конец билет
И пахнет хвоей новогодней».

* * *

Всё проходит,
И даже печаль.
Снег лежит в розовой подсветке.
Ничего в этой жизни не жаль.
Оттолкнуться б, как птица, от ветки
Да взлететь над землёй в облака,
Вспоминая любимые лица.
Вместо этого — слабость в ногах
И ожившая боль под ключицей.
Разноцветная пляска огней
И следы от безумных салютов.
Жизнь короткой любви длинней.
Подгоняет минута минуту.
Поглядишь — всё другое в ночи:
Не узнать ни себя, ни округу.
Запорошенный след не ищи:
Постаралась, как водится, вьюга.
Привыкай: ровный снег — словно лист
Неисписанной белой бумаги.
Только слышу метели я свист,
И на ёлках — сплошь белые флаги.

* * *

В квартире гости...
И в прихожей дым —
Клубки его ползут под дверь как змеи.
Себя не ощущаешь молодым,
А голоса в дому звучат наглее.
Из стереоколонок — будто взрыв
Веселья, сумасшествия и звона.
И, оглушённый, про гостей забыв,
Плывёшь по речке лунной, что с балкона
Упрямо льётся, душу беребя...
Ты в этот поезд прыгнул понапрасну:
Чужой вагон, где всё не для тебя,
А спрыгнуть на ходу уже опасно.

* * *

Опять лечу на карусели,
Что, как юла, с одной ногой.
Дни отпускные пролетели,
Не став равнинною рекой.
Опять лечу.
Куда — не знаю.
На чём стоит шальная ось?
В цейтнот, как в ощип, попадая,
Я просвечу ход дней насквозь:
Волчок всё крутится, но тише,
Ребром готов к стене припасть,
И с каждым кругом к ней всё ближе,
Чтоб прислониться — и упасть.

* * *

Хмурый город украшен огнями,
Серебрится у елей наряд.
Души близких трепещут тенями...
А гирлянды снежинок парят
Над проспектом, над площадью, в сквере.
Скачут кони с повозкой из звёзд.
Как хотела я б в сказку поверить,
Что и смерть не бывает всерьёз,
Что уходят,
Но смотрят оттуда,
К нам слетают, как снег на висок,
Когда ждём новогоднего чуда,
Хоть года — как сквозь пальцы песок...

* * *

За дверью ночь живёт в огнях,
И Новый год расставил свечи.
А я опять ищу в тенях
Лик близких,
Чтоб рвануть навстречу.
Глаза закрыв, туда пойду,
Где чуда ждали, в сказку веря,
Где свет, играющий на льду,
Скользил в незапертые двери,
И бой курантов —
Лишь затем,
Чтоб загадать успеть желанье.
Там жизнь — как пух,
Как взбитый крем,
И не гнетут воспоминанья.
Там всё легко.
И рядом все.
И крепко держат близких руки.
И, как на взлётной полосе,
Ещё не чувствую разлуки.
Опять лечу под потолок —
И дух захватывает счастье,
И падаю, как в мягкий мох,
В их неподдельное участие.

* * *

Вот и ёлка, как в детстве, стоит,
И в шарах отражаюсь забавно,
И гирлянда диодов горит,
И снежинки качаются плавно.
И блестит серебристый налёт
На сосульках;
На звёздочках — иней.
Лишь подарок под ёлкой не ждёт,
На который смотрела разиней,
Будто верила в эту игру,
Где гостинцы — от Деда Мороза!
Не в предчувствии чуда замру —
Снова сердце кольнула заноза:
Сколько хвоей осыпалось дней?
С лысой ветки упала игрушка —
И разбилась на бисер огней,
Как из рук коченеющих кружка.

* * *

Не сбылось.
Снег спокойный и тихий
Мягко падает мне на лицо.
И играют волшебные блики
От гирлянды, завитой в кольцо,
Что всю площадь собой оградила.
Мягкий, ровный, сиреневый свет!
И опять появляются силы
Улыбаться на взгляды в ответ.
Вот и на год ещё постарели,
И не все с нами встретили год.
И макушками-пиками ели
Потянулись пронзить небосвод.
Ледяные фигурки из сказки,
Словно души, шагнули на свет:
Все растают от солнечной ласки,
Но прочертят по сердцу свой след.

* * *

Ползимы, как лыжник, пролетело
С горочки высокой ледяной.
И всё меньше слушается тело,
Не спасёт и ключик заводной.
Все движенья медленней, ленивей.
Как сквозь снег, по наледи иду,
И не стану, видимо, счастливей,
Если жизнь, как поле, перейду.
Перейду —
А дальше что у края?
Постоять
И воздуха глотнуть.
И, от боли в сердце замирая,
В темноту, зажмурившись, шагнуть.

* * *

Снова снег кружится за стеклом
Хлопьями густыми, словно хлопок.
Затянуло пол-окошка льдом.
Город встал из-за предлинных пробок.
Всё стоит —
Как некуда спешить.
Все машины в шапках белоснежных.
Сколько нам ещё осталось жить?
Свет в туннеле —
Всё же неизбежный.
Так не злись!
Свет дальний потуши!
Не слепи всех встречных на дороге,
Будто нет в округе ни души,
И не стой у смерти на пороге:
В свой черёд уйдёшь под небосвод.
Не спеши к последней той странице,
Где не будет никаких забот
И снега не тают на ресницах.

* * *

Который год уже одна
Я Новый год встречаю сонно.
Очнусь от плюшевого сна,
Что как сугроб растёт бездонный.
Очнусь —
И вспомню:
Все ушли
И живы только в снах-обрывках.
Корабль на краешке земли
Средь льда, скребущего обшивку.
Я заперта средь вечных льдин.
И впереди одни торосы,
Где человек всегда один
И снег летит, не тая, косо.

* * *

Дверь отворю —
И в город выйду,
В ночное небо, высоко.
Балкон в снегу,
Но сверху видно
Всю улицу так далеко! —
Вся, вся — в огнях,
Цветных и зыбких:
Снежинки, зайчики и ель, —
Качаются на тонкой нитке.
И пляшет шейк вовсю метель.
Ветрище с прядью поседевшей, —
Как коршун, кружит среди крыш.
И провод под снежком насевшим
Гудит, раскачивая тишь.
Но огоньки от вьюги больше!
Внизу такое колдовство!
Но от него мне только горше...
Такое слышу торжество
Я в пенье том смертельном тока
Тех проводов, что бьют в набат,
Что льдинки в устье кровотока —
Не в ключ упавший с неба град.

НОВОГОДНИЙ МОТИВ 2016-2017

Стреляют —
Словно бы война.
Раскаты прямо громовые.
И на петарды из окна
Гляжу сквозь слёзы проливные.
Нет,
То не дождь.
Опять январь
Смахнул капель с очей моргнувших.
На стенке новый календарь.
Мы провожаем год минувший.
Опять на улице кричат
И бьют часы на Спасской башне.
А фото близких все молчат. —
И оттого мне больно, страшно.
Вжимаюсь лбом в оконный лёд.
Донбасс, Париж, Берлин и Ницца.
И кто ещё опять уйдёт
Ввысь,
Где летать не могут птицы?

* * *

А чуда снова не случилось.
Стояла в доме тишина.
И ёлка больше не светилась,
Гирлянда стала не нужна.
И сонный день,
И лень такая
От холодов, что за окном.
И я всё время вспоминаю
Тот Новый год,
Где за столом
Сидели все ещё живые.
Крутилось летнее кино,
Где дни летели золотые,
Букет цветов вмешав в вино,
Что пригубляли мы по каплям,
Как добавляли чай в ликёр,
Как бересту сгребали грабли,
Чтоб кинуть в тлеющий костёр.
И он горит...
Горит поныне...
Хоть иней окна расписал
И тянет в фортку чёрной стынью,
Но свет тех дней не исчезал.
И от шаров на ёлке вижу
На потолке от солнца след.
И близкие подсядут ближе
К столу,
Где стынет лишь обед.

* * *

Зима пришла,
Дохнула снегом,
Под ноги бросила ковёр,
Кусты окутав белым пледом,
Подзор повесив на забор.
От сажи город весь отёрла,
Покрыла фосфором луну.
И просверлили небо свёрла,
Растеребив души струну,
Что зазвенела,
Будто льдинки,
Что с крыш сорвались по весне.
Искрятся белые снежинки
В рекламном розовом огне.
Летят, как будто цвет у вишен,
Напоминая о любви,
Чей голос сквозь года услышан,
Хоть дом и — крепость на крови.

* * *

Лампочки мигают в темноте,
Освещают комнату игриво,
Мельтешат, как люди в суете.
И не быть, наверно, уж счастливой.
Ожиданье чуда, волшебства, —
Как снежинка
На ладони, тает.
Вазочка, где ржавая листва
Зайчики от лампочек пускает.
Шевелятся тени на стене, —
Кажется, листва — и впрямь живая,
Будто при разлившейся луне
Ветерок листочками играет.
Нет иллюзий.
Шар,
Что с ветки сполз,
Не звенел — и мячиком блестящим
Закатился под дубовый стол.
Как хотела б жить я настоящим!
Позабыть стеклянные шары,
Что, слетевши с ветки,
Насмерть бились,
Покидая мир из мишуры,
Где все лампы в связке лишь светились.

Выпадет из строя лишь одна —
И потухнет ёлочка устало...
А теперь она и не видна,
Если срок до срока отмигала.
Вот и мы —
Что лампочки в сей век.
Отгорим — гирлянда не потухнет.
Ну, ушёл хороший человек!
Мир стоит и никуда не рухнет.

* * *

А в Новый год уже легко
Одной грустить за чашкой чая,
Хоть юность где-то далеко
И гор златых не обещает.
Закрыло улицу окно,
Что в витражах морозной пыли.
Так были счастливы давно,
Что вкус любви почти забыли.
Миг волшебства, полёт огней
И снег в сиреновом свеченье.
Круженье на стене теней
И взглядов пристальных скрещенье.
Глаза закрою.
Окунусь
В то ожиданье чуда в детстве.
К себе ушедшей обернусь,
Пытаясь в добром жить соседстве. —
Ударит память мне под дых,
Что годы катят в санках с горки,
Виляя средь кустов седых,
К той ледяной и хрупкой корке.

* * *

И ночь стоит в волшебном одеянье.
И снег летит, как будто светлячки.
Со старым годом светлое прощанье
Сквозь розовые видится очки:
Пусть всё плохое остаётся в старом.
Звенит капель,
Как будто впрямь весна.
Край неба — как оплавленный пожаром.
И мишура на ёлке как блесна.
И я опять заморозилась светом —
И чуда жду (хотя бы раз в году!)...
Но все огни растают вновь с рассветом,
Как светлячки в запущенном саду.
И талый воздух
Опьянит — и бросит
На перепутье ледяных дорог.
Но мамин голос, что ветра относят,
Потянет ввысь, ворвавшись между строк.

* * *

Пуржит за окном фейерверк.
Стреляют петарды, хлопушки.
Свет вспыхнул — и снова померк.
Как перья летят из подушки —
Снежинки на город в огнях.
А я за стеклом замираю.
Мне кажется:
В белых ветвях
Сонм эльфов огни зажигает.
Как будто горят светлячки,
Мерцают: погаснут — и вспыхнут.
Огни отражают зрачки.
И залпы сегодня не стихнут,
А будут греметь до утра,
Встречая год новый с надеждой,
Что будет в нём море добра,
Удачи, любви безбрежной.
Мерцают диоды в ночи,
На праздник слетелись, как души.
Да только кричи-не кричи,
Строй жизни своей не нарушишь.
И будешь когда-то вот так
Мерцать средь волшебной метели,
Давая оставшимся знак,
Что дни — ещё год — пролетели.

* * *

Опять за окнами салют,
Стреляют розовым, лиловым.
И в доме тишина, уют,
Ни с кем не перемолвлюсь словом.
Миганье лампочек цветных.
Дождь серебристый льётся косо.
И никого уже в живых,
Кто мучил въедливым вопросом:
«Зачем живёшь?»
И «Что болит?»
Трель телефонная всё реже
В холодной комнате звенит,
Где воздух пахнет хвоей свежей.
А мне спокойно и легко.
И я уйду, махнув рукою,
Куда-то в небо далеко,
Где нас, как пчёл в гудящем рое.

* * *

Новый год снежинкой пролетел.
Проспала в заснеженной берлоге,
Отдыхая от цейтнота дел.
Дни летят...
Но только что в итоге?
Снова снег...
Еловый запах вслед
Птицы, на руках поплывшей к свету.
Старенький затасканный сюжет.
И вопрос, что вечен, без ответа.
Оловянный холод мерзлоты,
Что долбили ломом словно наледь;
Галки, облепившие кресты;
Будто холмик, тающая память.
Что ж кричим,
Встречая Новый год,
Радуюсь,
Что жизнь ещё короче?
И глядим в расцветший небосвод,
Словно в зацелованные очи?

* * *

А в Рождество капель сменил мороз.
Колючий воздух чёрным ртом хватала.
И полыхало небо, как от гроз:
Со всех сторон гремело и сверкало.
Торжественное пенье ввысь несло,
Над церковью взвиваясь синим дымом.
И сердце из груди за ним рвалось
Махнуть крылом озябшим лебединым.
Стеклянные деревья в высоту
Тянулись — и обманчиво звенели.
Как светлячки, снежинки на свету
Парили над ветвями грузной ели.
Кристаллы льда врезались больно в грудь,
И воздух резал лёгкие ланцетом.
И думала, что легче тем уснуть,
Кому не бьют в глаза фонтаны света.

* * *

Птицей праздники все пролетели,
Снегирём, что присел на карниз.
Стукнул клювом по белой панели
И скатился, как солнышко, вниз,
Чтобы после взлететь не у дома,
Где сижу я одна и грущу,
Ожидая волшебника-гнома,
Что чайком с пирогом угощу.
Лишь бы только в ту сказку поверить,
Где семь гномов творили добро!
Ветер дерево рьяно метелит
И пинает подъезд, как ведро.
Я на звон приникаю к окошку —
Вот над церковью встала звезда:
К неба бархату будто бы брошку
Прицепили, замкнув провода.
Купола — в серебристом свеченье,
И светёлка горит голубым.
И такое волшебное пенье,
Что вплетается в розовый дым!
Ну и пусть чудеса не случились
И не лился на рану елей...
Лишь бы строчки, толкаясь, толпились,
Провожая в закат снегирей...

* * *

Жизнь вошла в колею.
И зима
Накатала лыжню среди ёлок.
И нисколько не надо ума,
Чтоб искать в сене блеск от иголок.
Что упало — пропало,
Не плачь! —
Не отыщешь в листве прошлогодней.
Жизнь — цепочка потерь и удач.
Ну и что, что потеря сегодня.
Ну и что, что следы замело,
Что ключи потерялись от дома.
Оглянись: посмотри, как бело —
Это в юности было знакомо.
Всё сначала.
С горы — под откос,
Чтоб потерянный дух захватило!
Лишь скуёт вдруг дыхание мороз,
Да слеза на глаза накатила.

* * *

Дыханье раскалённого железа.
Жара пришла
Внезапно и молчком.
И кровь свернулась быстро от пореза
Осокой,
Что легла уже ничком.
Два месяца природу заливало.
И высока по-прежнему вода.
И берега почти что здесь не стало.
Лишь вдоль дороги рдеет лебеда,
Румянцем полыхает, будто в осень.
Так воздух густ, что клеится смолой.
И дятел в красной шапке
В чреве сосен,
Чья хвоя загорелась рыжей хной,
Выстукивает дробь печальной песни.
Замолкнет — прыгнет рядом на сосну.
Что ищешь, доктор?
Не пройдут болезни.
И дерево готовится ко сну,
Что будет вечен.
Бросят в топку ветки...
Вон молодая поросль на бугре...
И дым уже предчувствую тот едкий.

И мысленно готовлюсь в той поре,
Когда и я
Корявыми руками
Тянуться буду, тлея, в высоту
И вылечиться думая стихами
Про краткую земную красоту.

* * *

И я когда-нибудь уйду
Туда, откуда нет возврата.
Из жизни Вашей пропаду
И стану лёгкая, как вата.
Я буду там среди теней,
Бесплотных,
Словно ветер в поле,
Смотреть на город из огней
Спокойно, без тоски и боли.
Огни, как свечки, там горят.
Мерцает равнодушно пламя
Какую ночь и год подряд.
И не поймать тепло руками.

* * *

Гляжу в туннель.
Уже у входа.
Там голубой небесный свет.
Осталось сколько до ухода
Туда, где вспять дороги нет?
И как заноза в сердце ноет...
Я чую кожей жёсткий дом.
Он пахнет деревом и хвоей.
Я упираюсь в двери лбом.
Там темнота.
И лишь отсюда,
Как свет мерцающей звезды,
Свет виден тот,
Что позабуду
Лишь у последней той черты.

Содержание

ОТ АВТОРА 6

Рябины сладость — середь зимы...

«Далёкий день...»	9
«Майское непрочное тепло...»	10
«Опять тепло...»	11
«Так нежно пьёт по капле ночь...»	12
«Вечерний город: гуще тени...»	13
«Мой голос сдержан до предела...»	14
«Зачем тебе мой мир...»	15
«Вот и солнышко вышло из туч...»	16
«Снова лето...»	17
«Травинку трогаю губами...»	18
«...Такая липкая жара...»	19
«В райском лете одной...»	20
«Сижу опять у речки в тишине...»	21
«Рвануться в море не решишься...»	22
«Надувается мыльный пузырь...»	23
«Вода, как шёлк, струится по рукам...»	24
«Крутим жизни своей колесо...»	25

«А тополь вырос на обрыве...»	26
«Поговори со мной, мой золотой...»	27
«Мой золотой, ну снова обмани...»	28
«Строим замок опять на песке...»	29
«Ты помнишь ли дорогу...»	30
«В колодец чёрный загляну...»	31
«Вот и посыпались яблоки...»	32
«Сочинили под осень любовь...»	34
«Опять средь зарослей травы...»	35
«И август тоже пролетит...»	36
«Водой чистой поманил...»	37
«Здесь скоро будет мёрзлая трава...»	38
«Было лето нещадно щедрó...»	39
«Зачем всё помню о тебе?...»	40
«Испугался призрачного эха...»	41
«Какая-то горькая мякоть...»	42
«И Яблочный без яблок нынче Спас...»	43
«Уже сентябрь...»	44
«И снова любовь обошла стороною...»	46
«И неминуемо прощанье...»	47
«Солнцем залит заброшенный сад...»	48
«Опять у моря...»	49
«На пляже разморённые тела...»	50
«Вернулась в юность и в любовь...»	51
«Над морем снова облака...»	52
«Тишина. И праздник за окном...»	53
«По пути-то было пять минут...»	54
«Как огонь бенгальский...»	55
«Как странно, что снова судьба...»	56

«Снова сердце ёкнуло беспечно...»	57
«Остатки снега были на траве...»	58
«Лужи веером, снег во дворе...»	60
«И дождик лил под Новый год...»	61
«Зачем в сосульки ёлку наряжаем...»	62
«Отступили морозы на шаг...»	63
«Как ветер, голос потеплел...»	64
«Рябины сладость средь зимы...»	65
«Ах, зачем эти губы нежны?...»	66
«Снег всё валил...»	67
«Значит, поздно...»	68
«Сошлись опять, пожалуй, не всерьёз...»	69
«Вот и ушло ожидание чуда...»	70
«Зачем поверила зиме...»	71
«Когда был город в праздничных огнях...»	72
«Опять вода со снегом по колено...»	73
«Ну, вот и кончилась зима...»	74
«Я больше чуда не ждала...»	75
НОВОГОДНЕЕ	76
«Как младенец, кричит телефон...»	77
«С каждым днём нынче раньше светает...»	78
ПРОЩАЛЬНЫЙ ВАЛЬС	79
«Весна нахлынула дождём...»	81
«Качаются на ветках воробы...»	82
ЛЮБОВЬ УШЛА	84
«Ещё чуть-чуть — и снег прошьёт капель...»	85
«День начинает прибывать...»	86
«Любовь ушла, как с гребня пена...»	87
«Ночной мороз пред солнцем отступил...»	88

«И март пришёл с лицом апреля...»	89
«Мне больше нечего сказать...»	90
«Ушёл к другой сквозь розовый туман...»	91
«Опять молчишь...»	92
«Мне не нужен никто...»	93
«И в памяти твой облик...»	94
«И первые в конце зимы морозы...»	96

И ищешь след от змея в облаках...

«Неужели в безликую темень...»	99
«Лето пальчиком вдруг поманило...»	100
«Только локти кусать остаётся...»	101
«Твой голос всё реже и реже...»	102
«Опять февраль дыхание возвратил...»	103
«Разбудит солнце на лице...»	104
«Снова март...»	105
«Насквозь пронизывающий ветер...»	106
«Вот и всё...»	107
«Притянула руками на грудь...»	108
«Мокрый асфальт из-под толстого льда...» ...	109
«Сон как сон...»	110
«Сколько снега вокруг навалило...»	111
«Колючий снег в конце апреля...»	112
«Я научилась жить одна...»	113
«Корни выползли ужами...»	114
«Вы лежите средь талой воды...»	115
«Всё зарастают лесом берега...»	116

«Тихий омут, небесные очи...»	118
«А без дождя гроза страшней...»	119
«И судорога по реке...»	120
«Как скоротечно ветреное лето!..»	121
«Ни с кем, ни слова...»	122
«Солнце светит нещадно и прямо...»	123
«И мама всё-таки пришла...»	124
ЗАТМЕНИЕ.....	126
«Как ветер в поле, лето без тебя...»	127
«И зло визжат тупые бензопилы...»	128
«Заснула под утренний дождь...»	129
«И стенка вся как будто в кружевах...»	130
«Когда глядишь ты вниз сквозь облака...»	132
«Живёшь в раю...»	133
«Запахло черёмухой сладко...»	134
«А лето совсем не спешило...»	135
«Вот и июль...»	136
«Как промельк белки на ольхе...»	137
«А август был на солнце щедр...»	138
«Будто осень — два месяца лета...»	139
«Душа ли это? Вдох слетает...»	140
«Шелестя покошенной травой...»	141
«Вот и прожили новое лето...»	142
«Так в доме прибранном тревожно...»	143
«Всё на крúги вернулось своя...»	144
«В чужую весну убежала...»	146
«Перед отъездом забрела печаль...»	147
«Опять приснишься мне живою...»	148

Жизнь вошла в колено...

«Похудели сугробы все за день...»	151
«Подать рукой уже до лета...»	152
«Первая проклюнулась трава...»	153
«Почему не радуется тепло...»	154
«Внезапное июльское тепло...»	155
«Лета лишь завязь...».....	157
«Токует ворон на погосте...»	158
«Перелётная пташечка, лето...»	159
«Июнь пришёл...».....	160
«Зло ветер срывал провода...»	161
«Что за лето?...»	162
«Печаль подкралась лёгкими шагами...».....	163
«Весь день в колючках и буграх...»	164
«Всё лето ещё впереди...»	165
«Три дня царило летнее тепло...».....	166
«Равнодушная катит река...»	167
«Опять прибывает вода...»	168
«Посмурнел покосившийся дом...»	169
«Невыносимый блеск...»	170
«Опять печаль...»	171
«Крутится пропеллером ветряк...»	172
ОТПУСК НА ДАЧЕ	173
«Лес вспыхнул ночью огоньками...».....	174
«Доделывают лестницу к реке...»	175
«С ладоней воздух пьют назойливые осы...»	176
«Жаркий июль зажимает в тиски...».....	177
«Лунный диск на воде...»	178

«Опять река прозрачна и чиста...».....	179
«А травы всё гуще и гуще...»	181
«Плывут неспешно облака...»	182
«Пахнет опять горьковатым дымком...»	183
«Июля жар проходит стороною...»	184
«Подброшен август вилами на ветер...»	185
«Детский смех доносится с реки...»	186
«И в старой заводи болотной...».....	187
«Едкий дым донёсся от костра...»	188
«Плывут кувшинки по реке...»	189
«Показались кувшинок листы...»	190
«Опять гремит с утра...».....	191
«Стареют яблони и сливы...»	192
«Здесь всё другое нынче, не узнать...»	193
«С горы опять летят лохмотья туч...»	195
«Такая большая вода...»	197
«Под вечер грусть пришла гостить...»	198
«Яблоки ветки к земле притянули...»	199
«Осыпается грунт под ногами...»	200
«Как странно: молодость прошла...».....	201
ВСЁ БОЛЬШЕ ЛЮБИМЫХ ОСТАЛОСЬ ЗА КРАЕМ .	202
«Как в мае, большая вода...»	203
«От ветра ёжится река...»	205
«Так захочется снова тепла...».....	206
«Такое тепло напоследок...»	207
«Сколько птиц поселилось на вишнях!...»	208
«Разговоры вокруг ни о чём...».....	209
«Цветёт шалфей...»	210
«Как же быстро мой отпуск проходит!...».....	211

«Как обманчиво это тепло...».....	212
«И шелест бумаги средь ночи...»	213
«Звякнет лодка заржавленной цепью...»	214
«Вдруг разлюбила этот мир...»	215
«Всё это только летний дождь...»	216
«Дни, как будто уж лета конец...».....	217
«Уже ржавеют тополя...»	218
«Глянь: поселились в доме муравьи...»	219
«Вот и ветер свивается в плети...»	221
«Темнота не пугает теперь...»	222
«Ветер гнёт ковыли, лебеду...»	223
«Звёзды смотрят в окно одиноко...»	224
«Мята приникла к моей голове...»	225
«Задышат завтра утром холода...»	226
«Почти привыкла к тишине...»	227
«Расчистили заросший берег...»	228
«Привыкла жить в саду одна...»	229
«День янтарный, как пролитый мёд...»	230
«Я больше не боюсь звенящей тишины...»....	231
«Опять из-за Волги грозу принесло...»	232
«Ведь лета ещё не конец?...».....	233
«К осокорю устало прислонюсь...»	234
«Лизнула речка робко ноги...»	235
«Не краем задело...»	236
«Куст плачет струями фонтана...»	237
«С востока гроза приближалась...».....	238
«Дымок от срубленных берёз...»	240
«Ещё один мой вечер на земле...»	241
«И вдруг не хватило дыханья...»	242

ТУМАН	243
«Греются рыбки в прибрежной воде...»	244
«Расколота земля...»	245
«Пахнет плесенью старенький дом...»	246
«И если я когда-нибудь уйду...»	247
«От измороси листьев дрожь...»	248
«Почти привыкла жить одна...»	249
«Я стала уставать от тишины...»	250
«Здесь бабочек невиданный разгул...»	251
«Смородина дотлела в паутине...»	252
«До свиданья, призрачное лето...»	253
«Бабье лето ещё впереди...».....	254
«Качает ветер бурый лист...»	255
«За бабьим летом...»	256
«Тревожно-багров этот вечер...»	257
«Равнодушно лето отпылало...»	258
«Птицы скачут на ветке сухой...»	259
«В подкову сложенные губы...»	260
«В небо сосны верхушками рвутся...»	261
«Я буду смотреть с высоты...»	262
«Возвратилась в жизнь...»	263
«Словно тучка, слеза набежала...»	264
«Золотая дорога до гор...»	265
«Сентябрь скользнул губами по щеке...»	266
«Шумит прибой...»	267
«В объятьях моря...»	269
«Опять бегу от снега, что занёс...»	270
«Лоб горячий охладит вода...».....	271
«Скрыты горы в дымке голубой...».....	272

«На море сильный шторм...»	271
«Окунулась в чужое тепло...»	272
«Чужое солнце греет, как огонь...»	273
«Кто-то снова парит на крыле...»	274
«Снова двое над морем парят...»	275
«Парит над морем человек...»	276
«Вдали от дома и любви...»	277
«Дорвалась до позднего тепла...»	278
«Тучи собираются над морем...»	279
«Над морем тучи с рваными краями...»	280
«И каждый день последний...»	281
«Сказочный город у моря...»	282
«Каталось море по песку...»	283
«Чужие птицы в вышине...»	284
«Скрылось солнце...»	285
«Грущу у моря...»	286
«Ну вот и шторм...»	288
«Вечнозелёная трава...»	289
«Горный воздух...»	290
В ПУСТЫНЕ.....	291
«Остригли пальмы...»	292
«Монетку брошу средь камней...»	294
«Вот и последний на море денёк...»	295
«Последний день...»	296
«Плутали в фантазиях, в мире химер...»	298
«Нелётная погода для зимы...»	299
«Пригорки в преддверье снегов...»	300
«В предчувствии снега застыл...»	301
«Всё меньше света в запылённых днях...»	302

«Этот воздух небрит и колюч...»	305
«И ноги ватные от бега...»	306
«Всё раньше темнеет...»	307
«Замерзают слова на ветру...»	309
«И букв паренье по листку...»	310
«А снег спешит догнать морозы...»	311
«Январь всерьёз заплакал поутру...»	312
ИСКУССТВЕННАЯ ЕЛЬ.....	313
«Слезятся яркие огни...»	314
«Всё проходит...»	315
«В квартире гости...»	316
«Опять лечу на карусели...»	317
«Хмурый город украшен огнями...»	318
«За дверью ночь живёт в огнях...»	319
«Вот и ёлка, как в детстве, стоит...»	320
«Не сбылось...»	321
«Ползими, как лыжник, пролетело...»	322
«Снова снег кружится за стеклом...»	323
«Который год уже одна...»	324
«Дверь отворю...»	325
НОВОГОДНИЙ МОТИВ 2016-2017	326
«А чуда снова не случилось...»	327
«Зима пришла...»	328
«Лампочки мигают в темноте...»	329
«А в Новый год уже легко...»	331
«И ночь стоит в волшебном одеянье...»	332
«Пуржит за окном фейерверк...»	333
«Опять за окнами салют...»	334
«Новый год снежинкой пролетел...»	335

«А в Рождество капель сменил мороз...»	336
«Птицей праздники все пролетели...»	337
«Жизнь вошла в колею...»	338
«Дыханье раскалённого железа...»	339
«И я когда-нибудь уйду...»	341
«Гляжу в туннель...»	342

Литературно-художественное издание

Галина ТАЛАНОВА
(Бочкова Галина Борисовна)

И дерево готовится ко сну...

Стихотворения

Главный редактор издательства — *Евгений Степанов*

Компьютерная вёрстка — *Ирина Ракитина*

Художник — *Светлана Кротова*

Корректурa авторская

Формат 120х180

Бумага офсетная

Гарнитура Calibri

Тираж 160 экз.

Сдано в набор 13.11.2018

Подписано в печать ##.##.2018

Издательство «Вест-Консалтинг»

115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,

стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12

Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»

Белгородская обл., г. Старый Оскол,

Комсомольский пр., 73.